

Виктор Стовба

Оржицкие "фермопилы" Костенка

16+

Виктор Стовба

Оржицкие «фермопилы» Костенка

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Стовба В. Г.

Оржицкие «фермопилы» Костенка / В. Г. Стовба — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Совсем скоро исполнится 80 лет с того момента, как в сентябре 1941 года был окружен и разгромлен Юго-Западный фронт. Но годы не властны над памятью. Каждый день всплывают все новые факты и события. Данная работа является попыткой воссоздания хронологии событий в Оржицком очаге Киевского котла в сентябре 1941 года на основе известных публикаций, воспоминаний участников тех событий или рассказов их родственников.

© Стовба В. Г., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Виктор Стовба

Оржицкие "фермопилы" Костенка

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ 1941

До конца августа войска Юго-Западного и Южного фронтов отошли за Днепр. Нацеленный на окружение Юго-Западного фронта противник более чем вдвое превосходил его по количеству самолетов и в 4,2 раза по количеству танков.

По левому берегу Днепра, от устья Ворсклы до Черного моря, оборонялся Южный фронт, в который, кроме 9-й и 18-й армий, вошли восстановленные 6-я и 12-я армии.

Приморская армия, прижатая к морю, оставалась в тылу противника, защищая Одессу.

Но основная опасность Юго-Западному фронту шла с севера от танковой группы Гудериана, успевшей захватить два плацдарма на реке Десне – у Коропа и Новгород-Северского, угрожая выйти в глубокий тыл войск Кирпоноса. В первых числах сентября здесь развернулись ожесточенные бои. В междуречье Сейма и Десны, севернее Конотопа и Бахмача, дивизии 40-й армии сдерживали натиск танков Гудериана.

Реки Днепр и Десна, которая впадает в него, образуют естественный выступ, на острие которого и был Киев. В рамках этого выступа скопилась киевская группировка наших войск – практически весь Юго-Западный фронт. Штурм Киева, да еще и с необходимостью форсирования Днепра, в планы немцев не входил, а упорство наших войск в обороне города способствовало тому, что ударив в основание выступа в 200—250 км южнее и севернее Киева, в течение нескольких дней немцы взяли группировку в кольцо.

Ввиду ожесточенного сопротивления советских войск, бездорожья, отставания средств переправы, нарушений снабжения форсирование немцами Днепра затягивалось.

Рундштедт опасался, что советские войска будут отходить дальше на восток, чтобы избежать окружения на Левобережной Украине, поэтому 28 августа потребовал от 1-й танковой группы, 6-й и 17-й армий с утра следующего дня приступить к форсированию Днепра как можно на большем количестве участков, без оглядки на фланги и соседей.

31 августа 17-я полевая армия захватила плацдарм в Дериевке, под Кременчугом.

По ходу событий противник быстро расширял плацдарм, и 4 сентября Рундштедт решил перебросить сюда 1-ю танковую группу.

Главкомандующий юго-западным направлением Маршал Советского Союза С. М. Буденный сразу понял, какую опасность для его войск представляет этот плацдарм. Он потребовал немедленно сбросить немцев с левого берега Днепра.

Фронт прорвался. В десятых числах сентября немецкие танки появились в Бахмаче и Конотопе. Через трое суток, они оказались в Ромнах. Они шли по мирным тыловым дорогам, по полям, где заканчивалась жатва. Слухи о них считались или провокацией, или паникой. Люди пожимали плечами: немцы здесь? А вы не сошли с ума... Сопротивление мотомеханизированным дивизиям изредка пытались оказать разрозненные, случайные части, местами зенитные батареи.

В ночь на 12 сентября под проливным дождем 16-я тд переправилась через Днепр, а утром внезапно всей своей массой обрушилась на пехотинцев 297-й сд полковника П. П. Чувашева. На второй день немецкие танкисты подошли к реке Сула, южнее города Лубны. Но здесь путь им преградили советские зенитчики и отряды городской самообороны.

А в это время 3-я тд генерала В. Моделя из группы Гудериана подошла к Лохвице с севера.

Между 3-й тд и 16-й тд вермахта еще оставался 40-км «коридор», которым советские войска уже не могли воспользоваться для отхода на восток: во-первых, потому что Ставка категорически запретила им отходить, а во-вторых, было уже слишком поздно.

13 сентября Тимошенко, который прибыл в штаб Юго-Западного направления заменить Буденного, заверил Верховного, что Киев будет удержан.

Почти 80 лет назад, в воскресенье 14 сентября 1941 года, после проливных дождей предыдущих дней установилась удивительно светлая и солнечная погода.

К концу этого солнечного дня, в 18.20 берлинского времени у города Лохвица встретились передовые отряды 3-й тд 2-й ТГ Гудериана и 9-й тд 1-й ТГ Клейста. Тем самым было замкнуто кольцо окружения за спиной четырех армий Юго-Западного фронта. Таким образом, было осуществлено окружение войск Юго-Западного фронта.

14 сентября вражеские части овладели и Лубнами. Бои вокруг Лохвицы и под Лубнами продолжались и на следующий день, но к Лохвице с юго-востока полностью подошла 9-я тд.

Войска, оборонявшие Киев, находились в 200 км к западу от места соединения вражеских дивизий. Гигантское кольцо вокруг четырех советских армий замкнулось. В «котле» оказалось и управление Юго-Западного фронта. Огромный «котел» вскоре был рассечен немцами на несколько изолированных группировок.

Размеров угрозы сначала, видимо, не представлял никто. Она внезапно встала во весь рост. Командование Юго-Западного фронта поспешно покинуло Прилуки. Через день после короткого жестокого боя немцы ворвались в Лубны. Последняя железная дорога из Киева на восток была перерезана.

Когда огромное количество людей и техники Юго-Западного фронта, начали движение на восток, командование и штаб фронта потеряли все рычаги управления. Очень ясная погода помогала немецкой авиации буквально «утюжить» в степных просторах Киевщины и Полтавщины разрозненные группы отступающих войск, которые оставляли на полях десятки тысяч единиц вооружения и техники.

Силы 2-го и 4-го немецких воздушных флотов действовали последовательными волнами, постоянно поддерживая танки и пехоту. Попытки свежих, но плохо обученных резервных дивизий с Дальнего Востока и кавалерийских корпусов, которые возглавил сам маршал Семен Буденный, прорвать извне кольцо окружения, были безуспешными. Вся система материально-технического обеспечения и внутренние коммуникации Юго-Западного фронта оказались в руках врага. Отступление часто превращалось в беспорядочное бегство, но отдельные группы солдат и офицеров пытались организованно прорваться на восток.

Тогда слово «окружение» со скоростью радиogramмы облетело разрозненные части нескольких армий, дивизий, которые ждали подкреплений, города, станции, поселки. Оно несло по телефонным проводам. Передавалось шепотом. Тревожило. Будоражило. Угнетало. А клешни немецкой военной машины продолжали сближаться. Группы окруженных советских войск, огромные армейские обозы, специальные формирования, запоздалые беженцы многими дорогами и бездорожьем рванулись на восток. Атаковали, откатывались назад и снова кружили полями Полтавщины, перелесками Киевщины, болотами Приднепровья.

Южная группа, в которой оказались десятки тысяч людей, стремилась на Миргород. Попытки найти разрыв в немецком кольце не привели ни к чему. Надлежало с боями перейти болотистую долину Сулы.

«Окружение» – это страшное для войск слово. Рвалась связь штаба фронта с армиями, штабов армий с дивизиями, штабов дивизий с полками. Даже штабы полков теряли свои батальоны и роты. В условиях неизвестности, невозможности управлять подчиненными, немного командиров могли удержать порядок в частях и оказывать организованное сопротивление. Разрозненные группы бойцов и командиров смешивались, разделялись, пробиваясь к своим, как могли. Заканчивалось топливо – выводили из строя или просто бросали танки, машины и тягачи. Нечем было буксировать артиллерию – выводили из строя или бросали ее. Неизвестность порождала страх, часто панический. Немцы ведь не хлынули в прорыв сплошным пото-

ком, но достаточно было слухов о том, что они уже в тылу и страх увеличивал их количество многократно. Благодаря высокой маневренности немцев казалось, что они везде.

Лейтенант Василий Петров, пробившийся из окружения, который стал впоследствии дважды Героем Советского Союза и генерал-лейтенантом артиллерии, потерявший в боях обе руки, но продолжавший воевать, вспоминал после войны о судьбе бойцов и командиров, которые оказались в Киевском котле:

«...Система оперативного руководства войсками исчерпала свои возможности. Сопротивление пошло на спад. Прекратились поставки. Моторы глохли. Останавливались танки, автотранспорт, пушки. Ни частей, ни соединений не было. Горели бесчисленные колонны на дорогах, а мимо брели толпой тысячи, десятки тысяч людей. Никто не ставил перед ними задач, не торопил, не назначал срок. Они были предоставлены сами себе. Хочешь – иди, хочешь – оставайся в селе, во дворе, который понравился. Кольцо окружения с каждым днем все больше сжималось. Войска Юго-Западного фронта сделали свое дело в войне, и сошли со сцены...»

С 16 по 20 сентября состоялось расчленение войск фронта на различные группы (очаги) вследствие вклинения на разных направлениях сильных группировок противника.

Основных очагов, где стихийно скопились наши войска, до 20 сентября образовалось шесть.

Очаг №1 – из остатков 26-й армии в районе 20—30 км северо-восточнее Золотоноши; это очаг, постепенно сокращаясь, держался до 24 сентября, пытаясь пробиться на восток в районе Оржицы.

Очаг №2 – из остатков 37-й и 26-й армий в районе 40—50 км к юго-востоку от Киева; это очаг также держался до 23.09.1941г.

Два очага №3 и №4 – из остатков 5-й, 21-й армий, это была так называемая «Пирятинская группа», которая вела борьбу до 23.09 в районе 20—30 км к юго-востоку и востоку от г. Пирятин, в непосредственной близости от кольца окружения.

Очаг №5 – из остатков 37-й армии в 10—15 км к северо-востоку от Киева, продержалась до 21.09.

Очаг №6 – остатки 37-й армии в районе Яготина, что сумели организованно продержаться в кольце немецкого окружения до 24—26 сентября.

Такова общая картина заключительного эпизода битвы под Киевом в отношении действий войск 21-й, 5-й, 37-й и 26-й армий, оказавшихся в окружении.

Наиболее управляемым организмом оказалась группа войск 26-й армии Ф. Я. Костенко, сохраняя длительное время устойчивость, делая организованы попытки выйти из окружения. В немецких источниках эту группу связывают с названием населенного пункта Оржица, который они называли «Оршица».

В своей книге **«Кто сорвал блицкриг?» Ф. Т. Моргун** утверждал, что и по сей день люди не знают всей правды о том, что происходило в аду, в которое Сталин вогнал в сентябре 1941 года полтора миллиона наших солдат и офицеров и еще большее количество гражданского населения.

От западных границ окружения (города Киева и правого берега Днепра) до восточных (города Лубны Полтавской области на реке Суле) – 220 километров; от южных (город Кременчуг на Днепре) до северных (город Прилуки Черниговской области) – почти 300 километров. И все это пространство, не только по центральным и межрайонным дорогам, но и по обочинам были забиты танками, бронеавтомобилями, тягачами, пушками, автомашинами, конными подводами и бесконечными колоннами пехоты, которые отступали. А между ними, а чаще рядом с ними, слева и справа дорог, занятых армиями, двигалась бесчисленная масса беженцев – также на автомобилях, повозках, тракторах и комбайнах. (Была категорична команда союзных

и республиканских верховных властей – эвакуировать на восток сельскохозяйственную технику, весь скот, зерно и продукты).

Федор Трофимович писал:

«Вспомни, читатель, мой ровесник, как мы тогда верили пропаганде, как были убеждены, что дальше Днепра враг не пройдет, будет остановлен, а затем пробьет и наше время, а Красная Армия, оправившись от внезапности нападения, сделает «и на нашей улице праздник». Особо страстно этого желали многочисленные массы украинцев, русских, евреев, людей других национальностей, семьи военнослужащих, руководящих работников Западной и Правобережной Украины. Большинство из них, эвакуировавшись через Киев, Черкассы и Кременчуг, уже в июле оказались на левом берегу Днепра и после ужасов бомбардировок и пулеметных обстрелов на прифронтовых дорогах Правобережья здесь, в селах у гостеприимных полтавчан, чувствовали себя почти как у Бога за пазухой. Потому, что находились не только в глубоком тылу и среди хороших людей, но и в зоне, которая врагу, как были убеждены, недоступна. Красная Армия не позволит форсировать Днепр. В каждом селе, почти в каждой полтавской семье жили беженцы: евреи, украинцы, россияне и другие люди, которые попали в беду. Добрые и заботливые полтавские женщины, оставшись без мужей и сыновей, ушедших на фронт, по горло занятые работой на полях, фермах, не всегда находя минуту накормить своих детей, делились последним куском хлеба с семьями, загнанными в их дома большой бедой. Полтава, Кременчуг, Миргород, Лубны и все другие города и села, были заполнены убегающими от рабства людьми. Таких беженцев были сотни тысяч только в Полтавской области, не говоря уже обо всем Левобережье.

И когда вдруг раздались бомбовые и артиллерийские канонады, уже на левом берегу Днепра, загорелись полтавские села и города в приднепровских Золотоношском, Ирклиевском, Чернобаевском, а затем и в Драбовском, Оржицком, Згуровском, Яготинском и других районах, все эти беглецы снова оказались на дороге, ведущей дальше на восток. Непрерывные потоки людей шли, неся на руках младенцев, ведя подростков, а за плечами – мешки и сумки. Многие тянули за собой тележки. Полями и лугами молодые полтавчанки гнали на восток стада коров, табуны лошадей, стада овец.

Множество военной техники и красноармейцев смешались с не меньшей массой народнохозяйственной техники и гражданских людей, они теснили друг друга, образовывали непреодолимые пробки и заторы на нормальных широких степных дорогах.

А что делалось на многочисленных переправах через реки Трубеж, Слепород, Оржицу, Супой, Удай, Сулу, Хорол и многие другие? Кто там не был, не может представить всего этого. Даже тогда, когда не налетали немецкие самолеты, в таких местах бушевали давки и толпы, военный транспорт на много суток задерживался у переправ, а тут еще напирали громоздкие комбайны и колхозно-совхозные трактора с прицепами, груженные продуктами и личными вещами крестьян, которые перегоняли технику. Спокойнее были только в те дни и часы, когда шел дождь. В ясную погоду множество самолетов: бомбардировщики с низких высот, а истребители с бреющего полета – сеяли смерть и ужас среди человеческих масс. И если военные, наученные горьким опытом, знали, что надо рассыпаться, искать борозду или ямку (если нет времени выкопать себе углубление саперной лопаткой), то испуганные безумно гражданские люди толпами бросались из стороны в сторону, и везде их настигала смерть от пулеметного огня.

Летописцы и историки донесли до нас свидетельства, как «вся чудовищная сила Батыева, как густое облако, с разных сторон облегла Киев. Через скрип многочисленных бричек, рев верблюдов и быков, ржание лошадей и яростный вопль противника едва слышали друг друга витязи, которые защищали Киев». Летописец донес до нас страшную картину ужасной судьбы и гибели от Батыевых захватчиков.

Сейчас, через 700 лет, картина как бы повторилась, но ужасы и размеры трагедии не подлежали никакому сравнению. Эта катастрофическая драма развернулась не в одном или нескольких местах, а на территории не менее шести тысяч квадратных километров. Сначала был только этот огромный котел. Пронзительный свист, а затем оглушительный грохот падающих на землю бомб; не стихающий грохот пушек и разрывов снарядов; напряженный гул моторов танков и тягачей; непрерывная стрельба из пулеметов и автоматов многочисленных гитлеровских колонн машин и мотоциклов; нечеловеческие крики беженцев; ржание взбесившихся от страха лошадей, рев коров и волов – все это порождало массовую панику...

Люди гибли тысячами. Пулеметы с низко летающих самолетов и наступающих с разных сторон танков и танкеток буквально выкашивали не только огромные колонны людей, но и немногочисленные их группы, которые разбегались в поисках укрытия. «Мессершмитты» и танкетки гонялись даже за одиночными беглецами.

Наша авиация, понеся огромные потери на аэродромах на рассвете 22 июня, была ослаблена и не могла отогнать немецкие самолеты.

В первые дни окружения войска хотя и несли большие потери, но все же с боями продвигались на восток, надеясь прорваться сквозь танковые заслоны Гудериана и Клейста.

Нефтебазы и склады с полными цистернами и достаточным количеством бочковой тары, были расположены в основном в районе Киева, Черкасс и Кременчуга. По категорическому требованию – Киев не оставлять, их хорошо охраняли и не перемещали на восток, чтобы спокойно заправлять огромное количество прифронтовой техники, которая вела бои западнее и южнее Киева. А когда кольцо возле Лубен замкнулось и Ставка наконец поняла размеры трагического конца, поступило устное распоряжение Сталина об отступлении.

Кирпонос дал команду перед отступлением заправить все баки танков и машин, – залить топливом все бензовозы и водовозы города, заполнить всю имеющуюся тару, а резервы, оставшиеся – уничтожить. Все это было сделано, но полных баков хватило только где-то на половину дороги до Лубен.

Аналогичное положение сложилось и с боеприпасами. Враг наседал со всех сторон, огромный котел был разрезан на три части, все имеющиеся войска Рундштедт бросил на разгром окруженных. Наши танкисты и водители, оставшись без горючего, вынуждены были бросать свою, теперь ненужную, технику и драться врукопашную. Войска потеряли возможность маневрировать артиллерийскими пушками на тракторной тяге, которые также не заправлялись. Многие экипажи танков закапывали свои машины в землю или другие укрытия и продолжали бой.

Вражеская сила, ревя моторами и звеня гусеницами железных чудовищ, заглушая теперь уже почти безоружных наших воинов выстрелами пушек, взрывами снарядов и непрерывными густыми пулеметными очередями, стальной лавиной, будто гигантским прессом, сжимала кольцо окружение со всех сторон.

Наблюдая тот ужасный беспорядок, что творился во время отступления, и, не имея возможности прекратить этот ужас, некоторые командиры от отчаяния пускали себе пулю в лоб. Стрелялись и те, кто не хотел идти на восток, к Сталину, а сдаваться в плен добровольно не мог – не позволяло достоинство офицера. Многие срезали командирские отличия, дезертировали, бросая своих солдат. Некоторые из комиссаров и старших командиров пытались организовать ударные группы, чтобы пробиться на восток, однако парализованные страхом части просто разбежались.

Бойцы, разделившись на отдельные группы и в одиночку, продвигались в поисках переправы берегами рек Оржица, Удай, Сула, Псел, не догадываясь о природных ловушках в виде непроходимых болот и пагубных трясин, подступы к которым закрыты зарослями высокого и густого камыша. Не зная броду, люди в поисках спасения бросались в плавни, пробирались через заросли и нарывались на эти гиблые места, становясь жертвами болотного плена».

Из книги **Ф. Моргуна «Правда о Генерала Кирпоносе»** (1994г.):

«Обессиленные и скованные страхом, они тонули и гибли за считанные часы. Некоторым удавалось зацепиться и вылезти на отдельные устойчивые кочки. Немало солдат находили временное спасение на дрейфующих в этой жидкости островках тростника, который густо сросся. И эти несчастные были обречены на страшную смерть. Расстаться с кочками или островком камыша нельзя, потому что сразу попадешь в болото. Те, кто остался на этих кочках, рано или поздно погибали без еды, воды и от мириад комаров.

Местные крестьяне и рыбаки в послевоенные годы рассказывали, что над болотами много дней сначала раздавались нечеловеческие крики, а потом слышался стон. Были места в болотах, где вода была проточной и чистой, здесь люди держались дольше и крики о помощи слышали больше недели.

Местные жители на лодках, плотках и просто вброд спасали от неминуемой гибели многих...

Судьба тех, которые остались в непроходимых болотах, была ужасной. Они погибли в конце сентября или в начале октября. А морозы в том году сковали льдом плавни Сулы в декабре-январе! Только тогда местные жители отыскивали трупы, обрубали топорами лед и везли на санках для захоронения».

17 сентября, буквально за несколько минут до окончательной потери связи со штабами армий, Кирпонос успел отдать приказ 5, 21, 26, 37-й армиям на прорыв в восточном направлении. Находящимся вне «котла» силам 38-й и 40-й армий предстояло поддержать выход войск фронта из окружения ударом на Ромны и Лубны. Однако планомерный выход не состоялся. Окруженные со всех сторон немцами, расчлененные на части и оставленные без управления, войска, понесшие большие потери в предыдущих боях, действовали разрозненно и хаотично, а чаще небольшими группами.

В районе Оржицы дольше всех – до 26 сентября – дрались остатки 26-й армии Костенко.

Армия Власова оказалась в двух районах: один – в 40—50 км к юго-востоку, другой – в 10—15 км северо-восточнее Киева. Она смогла продержаться до 21—23 сентября.

Пирятинская группа из войск 5-й и 21-й армий держалась до 25-го. Часть сил и управление 5-й армии вынуждены были присоединиться к колонне штаба фронта, и двигались вместе с ней на Пирятин. Остальные, расчлененные на мелкие группки, пытались вырваться самостоятельно.

Трагически закончились попытки прорыва Военного совета и штаба Юго-Западного фронта, который потерял связь с армиями. 20 сентября сводная колонна штабов фронта и 5-й армии подошла к хутору Дрюковщина, что в 15 км к юго-западу Лохвицы. Там она была атакована главными силами 3-й тд противника. Потеряв несколько орудий и бронемашин, остатки колонны отошли в урочище Шумейково. В руки врага попал командующий артиллерией 5-й армии генерал В. Н. Сотенский вместе со всем штабом.

В группе оставалось не более тысячи человек, из них 800 офицеры, в том числе командующий фронтом М. П. Кирпонос, члены Военного совета М. А. Бурмистенко, Е. П. Рыков, начальник штаба В. И. Тупиков, генералы управления фронта Д. М. Добикин, А. И. Данилов, В. В. Панюхов, командующий пятой армией М. И. Потапов, члены Военного совета его армии М. С. Никишев, Е. А. Кальченко, начальник штаба армии Д. С. Писаревский.

Урочище насквозь простреливалось пулеметным огнем. Транспорт и люди рассредоточились по краю оврага, что его пересекал, бронемашин заняли позиции на опушке леса. Немецкие танки и пехота атаковали рошу с трех сторон. Сначала они ворвались на восточную опушку. Вооруженные связками гранат и бутылками с бензином, люди отражали атаки. В рукопашной схватке участвовали все – от солдата до командующего фронтом. Кирпоноса сначала ранило в ногу, а вскоре осколки мины разорвавшейся рядом, изрешетили его грудь.

Командующий тут же умер. Бой длился долго. Вырваться из роцци было невозможно. Бойцы и командиры оборонялись отчаянно.

Погибли начальник штаба фронта В. И. Тупиков и начальник штаба 5-й армии Д. С. Писаревский. Был замучен Е. П. Рыков, который попал в руки немцев.

Попробуем воспроизвести события 12 – 26 сентября 1941 года, которые происходили в районе Оржицы, основываясь на известных нам фактах, публикациях и воспоминаниях участников тех событий и их потомков.

12 СЕНТЯБРЯ

В ночь на 12 сентября на плацдарме 17-й армии 16-я танковая дивизия генерал-майора Г. Хубе завершает форсирования Днепра. Всю ночь по наведенному саперами понтонному мосту солдаты дивизии под ливнем перебирались на другой берег.

Из книги **В. Вертена: «История 16-й танковой дивизии»** (1958 г.):

«Со всех сторон вливались части дивизии в маршевую колонну, двигавшуюся с предельным напряжением сил к Днепру. Офицеры и нижние чины сменяли друг друга у рычагов управления. У Павлыша, южнее Кременчуга, дивизия переправилась через реку по 700-метровом понтонному мосту. Это был Днепр, широкий и величественный».

Окружение войск Юго-Западного фронта во многом оказалось делом трех соединений немецкой армии – 3, 9 и 16-й танковых дивизий. Первая из них нанесла удар с севера, две остальные – с юга навстречу друг другу и в тыл советским армиям. Немецкое наступление началось 12 сентября. В этот день 9-я и 16-я танковые дивизии приступили к вскрытию кременчугского плацдарма. Перед ними стояла задача прорваться в глубь советской обороны и блокировать железную дорогу Харьков – Полтава – Лубны, чтобы воспрепятствовать отходу войск генерал-полковника М. П. Кирпоноса из формирующегося котла.

К утру 12-го 16-я тд сосредоточилась в нагорной части Кременчуга, вслед за ней заканчивали переправу части 9-й тд. Не дожидаясь сосредоточения всех своих сил и не давая частям ни малейшей передышки, Клейст приказал утром 12 сентября 16-й тд нанести удар в направлении с. Песчаное – Гориславцы – Донивка, в общем направлении на с. Семеновка – г. Хорол.

Утром 12 сентября 16-я тд перешла в наступление при поддержке частей и артиллерии 239-й пехотной дивизии и нанесла сосредоточенный удар в направлении Майбородка-Погребы, и далее вдоль железной дороги на Глобино-Семеновку.

После артиллерийской подготовки в атаку пошла пехота XI армейского корпуса 6-й армии, вслед за ней в 9.00 повели наступление 16-я и 9-я танковые дивизии. Сравнительно легко и без значительных потерь оборона была прорвана, и, смяв советскую артиллерию, танки вышли на тыловые коммуникации 38-й армии. К вечеру колонны 16-й танковой дивизии находились уже в 40–60 км от первоначальной линии фронта. Фронт обороны 38-й армии оказался разрезан надвое. 297-я сд была рассечена на две части.

В 16-й тд дивизии на 10.09.1941 г. значилось 54 боеспособных танка. Кстати, в 239-й пехотной дивизии на 1 сентября уже были выбиты около 40% боевых подразделений. То есть в ротах оставалось по 90 солдат из 150. Атака проводилась в районе села Песчаного вдоль шоссе. Несколько первых атак были отбиты. Только через 4 часа, в 14.00 немцы прорвали оборону 297-й сд и вышли на оперативный простор.

На направлении главного удара танковой дивизии было не больше батальона личного состава 1059-го сп 297-й сд.

Также в этом направлении держали оборону артиллеристы 4-й батареи 824-го артполка 297-й сд 38-й А Юго-Западного фронта.

Оказавшись за старшего, после гибели командира орудия, военком батареи **политрук Лисун Алексей Емельянович** поставил пушки на прямую наводку и открыл огонь по танкам противника, руководя работой расчетов. Огнем его орудия были подбиты два немецких

танка. Всего же огнем его батареи были подбиты четыре танка 16-й тд. За этот бой политрук Лисун А. Е. был представлен к ордену Красной Звезды.

Но, увы, силы были слишком неравными. 16-я тд прорвала «жидкую» оборону 297-й сд и бросилась на север.

1059 сп 297 сд понес значительные потери 12 сентября, когда немцы прорвали фронт – 258 бойцов, которые, в основном, пропали без вести (оказались за внутренним кольцом окружения). 12 сентября под с. Недогарками погиб и **командир полка майор Дутченко В. С.**

На 12 сентября приходятся и основные потери артиллеристов: 40 человек из 824-го ап и 12 с 583-го оазд. В основном все пропали без вести, убито 13 человек (из 824-го ап).

Печальная судьба постигла и 342-й отдельный медсанбат, он попал как раз на острие атаки прорвавшихся немецких танков. Считаются пропавшими без вести 80 человек. Около 20 медиков были убиты и похоронены в с. Яроши, под Глобино. С ними вместе были убиты и некоторые тыловики.

Смяв советские заслоны, немцы раскололи 38-ю армию пополам, прервав связь между штабами. Советские подвижные части не могли ни угнаться за немецкими танками, ни преградить им путь.

В 16.00 немцы захватили станцию Погребы и склады 297-й сд расположенные на ней вместе с 728-й авторотой (что окажется весьма кстати для их наступающих частей).

В 19.00 немцы захватили Семеновку и, выведя разведку на 6 км к северу от Семеновки (с. Карпиха), остановились на ночлег, организовав круговую оборону. В Семеновке также было захвачено автотранспорт и ГСМ.

В первом эшелоне на вечер 12.09.41г. было 25 боеспособных танков.

Второй эшелон дивизии в составе 2-го батальона 79-го стрелкового полка на бронетранспортерах, 1-й и 3-й танковых рот 2-го танкового батальона 2-го танкового полка и 3-го дивизиона 16-го артиллерийского полка в конце дня находился в районе Яроши-Опришки. Во втором эшелоне на вечер 12.09.41г. было 15 боеспособных танков.

Третий эшелон в составе 64-го стрелкового полка на автомобилях и 2-го дивизиона 16-го артиллерийского полка к вечеру 12 сентября занимал линию Погребы – Бабичевка.

Второй и третий эшелон создали заслон на пути отхода 297-й сд.

Из книги В. Вертена:

«После сильной артиллерийской подготовки пехота XI корпуса двинулась в атаку. В 9.00 танки двинулись вперед тремя эшелонами: I батальон, II батальон и 2 танковая рота, с I батальоном 79 полка на броне; ей следовал II батальон 79 полка на броне и 64 полк из боевой группы Вагнера. Обогнав пехоту, 16-я танковая дивизия отбросила захваченного врасплох противника и его артиллерию и взяла под контроль линию снабжения врага.

...Спротивление врага был слабым. В первой половине дня 12 сентября танковый полк и I батальон 79 полка с I дивизионом 16 артиллерийского полка достигли Семеновки и в сумерках Карпихи. Здесь боевая группа заняла круговую оборону. 60 км было позади. 64 полк занял оборону у с. Яроши».

Семеновка – это населенный пункт на полпути от Кременчуга до Лубен, по дороге к которой 16-я тд разгромила тылы 297-й сд. Судьба Юго-Западного фронта была решена.

Таким образом, к исходу 12 сентября не только были охвачены фланги Юго-Западного фронта, но образовалась реальная угроза обхода с тыла основных сил фронта. В вечерней оперативной сводке штаба Юго-Западного фронта о прорыве немцев были весьма расплывчаты данные.

Историк 16-й танковой дивизии В. Вертен:

«Враг не успел даже как-то защититься. Колонны, откатывались, были подорваны, танки, пушки, повозки остались лежать слева и справа от дороги на протяжении 40 км. Черные знамена чада догорающего топлива поднимались в небо».

До Лубен оставалось 40 км. Отрезанные от главных сил три правофланговые дивизии 38-й армии (97-я, 297-я стрелковые и 37-я кавалерийская дивизии) заняли оборону на правом берегу Сулы.

Группа немецких танков и пехоты внезапно атаковала штаб 38-й А неподалеку от Глобино. Колонна штабных машин едва успела переправиться через Псел и отойти к Решетиловке (40 км к северу от левого КП 38-й А в Козельщине и 70 км к востоку от штаба армии в Очеретоватом у Семеновки).

Сюда же (в Решетиловку) прибыла группа штабных офицеров ЮЗФ во главе с полковником И. Х. Баграмяном. Связавшись с главкомом, И. Баграмян получил приказ навести порядок в частях, которые выходили из окружения, и организовать оборону на р. Псел. Командованию 38-й А удалось выставить небольшие заслоны у Великой Багачки, но дальше линия фронта прерывалась.

Полтавское направление оставалось неприкрытым. Угроза нависла над штабом Юго-Западного направления, который находился в Горбаневке.

За 16-й тд двинулась 9-я тд (Венская) генерала Г. фон Хубицки и другие части 1-й танковой группы Э. фон Клейста.

9-я танковая дивизия фон Хубицки продвигалась на Лохвицу на соединение с 3-й танковой дивизией Вальтера Моделя.

Кроме складов 297-й сд в Погребах, госпиталя в Семеновке и складов в Ромодане, на пути немцев до самого места встречи со 2-й танковой группой советских войск **ВОООЩЕ НЕ БЫЛО!!!** (Если, конечно, не считать Лубны).

По численности танков в 16 тд. В советских донесениях зафиксировано прохождение вечером Устимовки отрядом из 25 танков и о нахождении в районе Бабичевка 15 танков. Что согласуется с распределением немецких танков по немецким данным, по сравнению с их первоначальной численностью (на 10 сентября – 54 боеспособных танка, учитывая боевые потери при прорыве и в результате неисправностей при непрерывных маршах 10, 11 и 12 сентября вполне возможно что в строю оставалось чуть более 40 танков) и распределением в два эшелона – в первом 4 линейные и штабная рота, во втором 2 линейные и штабная рота.

Авангард майора Франка (вторая танковая группа Гудериана) прорвал оборону советских войск вдоль дороги строго на восток от Сулы. Под покровом темноты Франк сумел незамеченным продвинуться вглубь расположения противника на 45 километров. В двух километрах от Лохвицы немцы захватили невредимым мост через Сулу

Завязалась ожесточенная схватка с российскими частями, которая продолжалась вплоть до прибытия передовых частей 3-й танковой дивизии.

В ночь на 13 сентября солдатам было приказано замаскировать машины под стога сена, а снизу обложить снопами колосьев. На высотке офицеры изучали в бинокли очертания Лохвицы, неясно вырисовывающийся впереди населенный пункт был виден как на ладони немного внизу. Заходящее солнце красило дома в нежно-золотистый цвет.

Над домами были заметны клубы дыма и пыли, звучала автоматная и пулеметная стрельба, раздавались и артиллерийские залпы. Сомнений не оставалось – передовые части вышли в тыл русским войскам. Ударный клин наступления группы армий «Юг» находился всего в нескольких километрах.

В этот же день, 12 сентября, был образован Лубенский боевой участок, его начальником назначили командира 16-го запасного полка связи **полковника М. К. Перепелкина**, военкомом – **старшего батальонного комиссара Е. И. Серебрякова**, начальником штаба **майора П. Ф. Дейнего**. В состав вошел истребительный батальон, которому поручили держать оборону со стороны с. Круглики, а также 94-й пограничный и 125-й артиллерийский полки. В городе также базировался химический полигон фронта, начальником которого был **военинженер В. М. Галлак**.

В г. Лубны на момент появления передовых частей 16-й танковой дивизии оказался **подполковник О. С. Ярохович** из штаба 38-й армии. После атаки немцев на штаб армии он вместе с тремя командирами поехал в северном направлении, пока не добрался до г. Лубны. Решив, что на восток ему не прорваться, он со своими спутниками направился на запад и разыскал в с. Кандыбовка штаб 26-й армии. Там он оставался вплоть до 21 сентября, так и не получив никакой новой должности.

13 СЕНТЯБРЯ

Утром 13 сентября завязался встречный бой. Оторванная от основных сил, группа Франка оказалась в затруднительном положении.

На выручку бросилась вторая боевая группа обер-лейтенанта фон Левински. Около 16 часов его танки вступили в Млыны и соединились с передовым отрядом. На коротком совещании в местной церкви оба командира решили нанести удар по Лохвице, не дожидаясь подхода пехоты и артиллерии.

Решительной атакой немцы завладели переправой, захватив невредимыми все три моста через Сулу.

Около 17 часов немецкие танкисты достигли города. Жестокий бой продолжался до наступления темноты. Ночью немецкие боевые машины были выведены в окружающие овраги.

13 сентября немецкое наступление продолжилось. Из воспоминаний **Х. Емельянова** о бое 13 сентября за с. Омельник. Он служил в батарее управления 665-го ап (212-й сд).

«Разведка в район с. Рокитное. Атака немцев при поддержке танков. Скорее всего, ударную группировку нанесла удар в направлении с. Погребы, а вторые эшелоны сворачивали советскую оборону по правому берегу р. Псел и отжимали рассеченные части 297-й сд к р. Днепр, при этом они расходились веером».

В 6.30 13 сентября наступление 16-й тд дивизии было продолжено. Советское командование, осознав грозящую опасность, бросило против нее авиацию. Но немецкие истребители надежно прикрывали продвижение своих наземных войск, и советская авиация в этой ситуации нанести существенный урон танковым колоннам была бессильна.

16-я танковая дивизия повела наступление на Лубны (Вертен):

«Авангард, оставляя Хорол слева, достиг восточного берега р. Сулы южнее Лубен. 120 км были позади. Хорол оставался в руках врага; длинные колонны русских покидали город в направлении на северо-восток. До сего времени никакого существенного противодействия со стороны советских войск немцы не испытывали. Вот и теперь хорошо различимая в бинокли советская пехота, не принимая боя, поспешно отходила в северном и северо-восточном направлении. Немцев такое положение дел вполне устраивало, отсутствие сопротивления оставляло им полную свободу рук в выборе времени и места следующего удара.

Уже к 14.00 64-й моторизованный полк вышел к южным окраинам г. Лубны. Одновременно под прикрытием дымовой завесы солдаты 16-го саперного батальона захватили мост через р. Сула и, переправившись на противоположный берег, создали плацдарм для дальнейшего наступления в город.

Вскоре им на помощь подоспела 8-я рота 64-го полка, и плацдарм на западном берегу стал быстро расширяться. Вскоре город был полностью очищен, и отступившие красноармейцы закрепились вдоль реки».

К вечеру 16-я танковая дивизия закрепились в советских окопах по восточному берегу реки фронтом на запад.

Если миновать в Лубнах городской парк, пересечь главную городскую площадь с массивной трибуной из бетона, выйти на улицу Шевченко, то за ней начинается крутой, извилистый спуск Степана Разина или, как его, по давней привычке, именовали лубенцы – Хорольский. Это «стихийное» название больше подходило спуску. Никто из горожан не слышал, чтобы

отважный предводитель волжских повстанцев Разин бывал когда-нибудь здесь, а что спуск вел на мост через Сулу, за которым пролегла дорога к соседнему такому же седому, как и Лубны, Хоролу, знал каждый.

На противоположном берегу Сулы тянулись густые заросли осоки и высоких сочных камышей, а дальше, сколько видит глаз, зеленели буйные луга. Правый берег крутой. Вверху над обрывом возвышался подернутый легкой розоватой дымкой древний опустевший Мгарский монастырь. Внизу, на узенькой пологой полосе, протянувшейся между кручей и рекой, росли одинокие развесистые вербы и осокоры.

Лубенское население, мобилизованное на окопы, целыми днями роет в Засулье противотанковый ров. Так было и 13 сентября. Да только уже ходит слух от одного к другому, что «Кременчугу уже хана», мол его немцы взяли еще три дня назад. Что не ходят туда уже поезда из Полтавы.

Гудит понемногу народ. Странно, зачем тогда копать этот ров? Лубны по эту сторону Днепра, почти за двести километров...

Заводы вывозят, скот из колхозов угоняют на восток, документы всякие сжигают, и сажа от бумаг, словно черный снег, падает на город.

Раньше здесь летали только наши самолеты, фашистские изредка появлялись, и то ночью, теперь же они шныряют в небе когда хотят. Бомбят если не Лубны, так Ромодан, Пирятин, Гребенку. На станции женщину какую-то убило, в Засулье бомба попала в хату: вся семья погибла, один только маленький ребенок жив остался. Уже несколько раз пролетали и надо рвом, строчили из пулеметов, бросали листовки. Хотя до сих пор никого не убило, но страха набрались все. Женщины больше не покрывают голову белыми платками, все одеваются в черное и серое. А когда заметят самолет, разбегаются, прячутся в кустах.

Уже ров глубокий, скоро закончат. Еще день, два. С противоположной стороны тоже такой роют. В случае чего перекопают перешеек, и танки не пройдут. Но разве фашистов сюда, в Лубны, пустят?

Опять, гудит потихоньку народ. Мол, немцы в листовках пишут: «Придут наши таночки и заруют ваши ямочки...».

С утра по дороге мимо Засулья мчались военные машины, ехали в Полтаву беженцы на крытых фанерой и брезентом подводах, погонщики гнали на восток стада коров и отары овец. Потом к обеду движение приостановилось. Разве что изредка проедет подвода из соседнего села, пронесется велосипедист или пройдет пешеход. Что бы это значило? Ведь раньше такого не случалось. И вчера и позавчера дорога целый день была запружена.

В полдень с востока донеслись далекие орудийные выстрелы. Прислушались. Подумали – зенитки.

Вскоре на дороге появился всадник. Пригнувшись к гриве, бил сапогами взмыленного вороного жеребца. На перешейке возле рва остановился. Немцы! Немцы идут!.. – закричал истошно погонщик скота из Вил, немцы близко. Уже Покровскую Богачку заняли. Не слышите – гроыхает? Из танков бьют. Как ударили по стаду, с десятка коровок упало. Потом по погонщикам стали строчить из пулеметов или черт их знает из чего.

А потом вслед за погонщиком примчался на мотоцикле вспотевший, запыленный старшина-связист. Не выключая мотора, он наклонился, опершись одной ногой в землю, лихорадочно забегал глазами по толпе. – Чего митингуете? Немцы недалеко! Говорю: прорвались танки! С Хорола... Надо мосты взрывать!..

Вдруг кто-то крикнул испуганно: – Самолет!.. Все посмотрели в небо. Южнее Солониц вынырнул фашистский самолет и стал снижаться над железной дорогой. Протяжно загудел паровоз. И в это время где-то возле железнодорожного переезда один за другим встряхнули воздух и землю три сильных взрыва. Самолет развернулся и взял обратный курс. Тут же

от переезда стали доноситься более слабые, но частые взрывы. Отчаянно, тревожно гудел паровоз. Очевидно, бомбы попали в вагон со снарядами...

Народ из Засулья бросился к Лубнам. Прошли мост, выбрались на середину спуска. Остановились, чтоб посмотреть на Хорольскую дорогу, на железнодорожные пути, пересекающие ее недалеко от Засулья. Возле переезда на железной дороге валил дым. Наверное, горели военные вагоны, в которые угодил вражеский самолет. Взрывов уже не было слышно.

Дорога была непривычно пуста. Только где-то под Войнихой высоко вверх поднималось сизое облако дорожной пыли, розоватой в предвечернем солнце, казалось, что облако медленно движется к Лубнам. – Танки идут, – сказал кто-то из мужчин.

В городе возле дворов толпились люди. Здесь, видно, еще раньше узнали о приближении фашистов. В центральном парке собралось много народу. Краснощекий юноша с патрон-ташем и винтовкой (по-видимому, из истребительного отряда) призывал горожан не паниковать и не бояться. Он заверял, что вражеский десант скоро будет разбит, фашистам не удастся захватить Лубны. За городом началась стрельба, вероятнее всего, на мосту или на спуске.

Неожиданно раздался сильный трескучий взрыв. Было слышно, как где-то недалеко на мостовую посыпались камни или куски кирпича. Бомба угодила в музей, который загорелся. По улице пробежало несколько вооруженных дружинников и красноармейцев, очевидно – тушить. Дружинники и красноармейцы, не добежав до пылающего музея, почему-то повернули обратно. Теперь уже совсем близко, с улицы Шевченко, доносился надрывный рев моторов и треск пулеметов. Беспрерывно били пушки. – Танки!.. Танки!.. – закричал кто-то в парке.

К этому времени танки, мотопехота и саперы 3-й роты 16-го саперного батальона заняли налетом мост через Сулу и под защитой дымовой завесы проникли в Лубны, чтобы захватить плацдарм на западном берегу. Теперь сопротивление врага становилось жестче. Цивилисты (имеются в виду, видимо, бойцы истребительного отряда в гражданской одежде) – сражались с танками с помощью бутылок с зажигательной смесью («коктейлями Молотова»), шла стрельба из окон, с чердаков.

Метательные бомбы, «наземные Штуки» (крупнокалиберный реактивный миномет на шасси бронетранспортера, который имел прозвище *Stuka zu Fuss*, буквально «штука пешком») 8-й роты 64-го полка были в воздухе и оглушительно разрывались в районе городских казарм. Здесь любое сопротивление угасло.

Появился на фланге русский бронепоезд (скорее всего охраны тыла НКВД), который был уничтожен танками и саперами. Однако на болотистых берегах р. Сулы и даже на мостах через реку россияне еще держались.

Козин Сергей Михайлович: 1904 года рождения, **подполковник юстиции**. Приказом по войскам ЮЗФ от 22.02.1942 года награжден орденом Красной Звезды.

Из наградного листа:

«13 сентября 1941 года в г. Лубны, попав с аппаратом ВП фронта в окружение противника, смело и самоотверженно собрал роту вооруженных бойцов и вместе с возглавляющим ее командиром вывел к берегу р. Сула – на линию обороны. Когда в город прорвались вражеские танкетки, т. Козин, подвергаясь большой опасности, пробрался в переулок, где были оставлены автомашины с имуществом и всей секретной документацией, собрал шоферов и всех технических работников и организовал вывод машин из города. ... были выведены из окружения и доставлены в г. Ахтырка 6 автомашин со всеми документами и имуществом военной прокуратуры фронта, а также 15 человек личного состава ВП фронта».

Около 14.00 пикировщики атаковали восточную часть города, наступление 64-го пехотного полка 16-й тд вермахта было приостановлено и к Лубнам были подтянуты батальоны (так в оригинале, видимо, речь идет о танковых батальонах дивизии).

Прошло несколько часов. Не стало слышно грохота танков, утихла стрельба, только изредка рвались снаряды. Над городом стояло зарево – все еще горел музей. Вокруг стлался

едкий, смрадный дым. Низко, над самыми крышами домов и кронами деревьев, кружили напуганные галки. В отблесках пожара они казались призрачными тенями.

Отбили наступление, да недалеко. Возле моста немцы стоят. Ждут, наверное, рассвета, чтобы снова ринуться. Они мост перешли и остановились. Не захотели ночью входить в город. Вот от моста и стреляли до полуночи.

Как просто написать: «... танки Хубе с боем взяли Лубны ...». На самом деле, насколько это можно восстановить по воспоминаниям очевидцев, произошло следующее.

Под вечер 13 сентября для обороны Лубен стали прибывать подразделения (собственно штаб) полка пограничников (94-го пограничного отряда) под командованием **майора Врублевского**. Штаб и политотдел полка расположились в школе. Вероятно, в первой школе, где до революции была гимназия, там и теперь гимназия.

Через р. Сулу из Лубен вели три моста, два деревянных напротив села Засуллье и ниже по течению, напротив с. Солоница, железнодорожный мост. Деревянные мосты, один из которых был только что построен, находятся примерно там же, где стоит и нынешний железобетонный мост, построенный уже после войны пленными немцами. По преданию первыми по новому деревянному мосту проехали немецкие танки.

В Лубнах на местном ликеро-водочном заводе было развернуто стратегическое производство «коктейлей Молотова», так называли финские бутылки с горючей смесью английские журналисты во времена советско-финской войны. В боях за Лубны много и часто использовали, как «замену» артиллерии, «коктейль Молотова». Как повлияло название, данное журналистами, неизвестно, однако в июле 1941 года постановление «О противотанковых зажигательных гранатах (бутылках)» вышло именно за подписью Молотова. Возможно, Сталин так пошутил, «твой коктейль, ты и подписывай».

Встретив ожесточенное сопротивление в Лубнах, Хубе решил не торопить события и закрепиться на левом берегу реки, образуя внутренний фронт окружения (Вертен):

«Потом командир дивизии приостановил наступление, только одна рота осталась как передовая охрана на высотах по ту сторону реки. Основная часть дивизии заняла позиции на восточном берегу Сулы, где российские полевые укрепления с фронтом на запад оказались для этого весьма кстати. Линия обороны дивизии начиналась в 15 км северо-восточнее города у Тишок (населенный пункт на реке Удай) и тянулась через Гребиче, Березоточку (искаженное название села Березоточа) и Пески вдоль берега реки».

Жители Городища (Полтавская обл. Зеньковский р-н) 13 сентября слышали грохот сильного боя, а ночью – видели зарево пожаров над Лубнами.

Против немецкой 16-й танковой дивизии воевали бойцы Лубенского истребительного батальона, 6 мсп войск НКВД, отдельного артиллерийского полка и 94-го пограничного отряда.

14 СЕНТЯБРЯ

В полночь 14 сентября командование 14-го танкового корпуса 1-й танковой группы передало приказ своему авангарду, 9-й танковой дивизии, овладеть железнодорожной станцией Ромодан в 138 километрах к северу от переправы через Днепр у Кременчуга.

Приказ на следующий день предсказывал отражение дивизией возможных атак российских войск к востоку от Миргорода и наступление на север с целью овладения переправой через реку Сула и соединения с частями 2-й танковой группы,двигающихся к югу от Лохвицы. Именно в этом месте и намечалось соединение двух танковых клиньев. Для выполнения поставленной задачи предполагалось сформировать группировку в следующем составе: одно подразделение тяжелой артиллерии для блокировки сил русских войск и второе из танков и моторизованной пехоты – для выхода в места соединения. Это был последний рывок перед завершением операции по окружению.

Ударная танковая группировка, наступающая на север к Сенчи, атаковала русскую колонну грузовиков в количестве 50 автомобилей. Захваченные в плен русские солдаты совсем

не ожидали такого поворота, будучи убежденными, что находятся в глубоком тылу своих войск.

Группа майора Франка, во взаимодействии с возглавляемой наступление 3-й танковой дивизией, пробилась в Лохвице к 5:00 утра, когда еще не рассеялся утренний туман, и бой под Лохвицей возобновился.

Большой северный мост через реку Сула, которая разделяла город, был захвачен в результате дерзкой операции. Немецкие мотопехотинцы нейтрализовали расчеты шести противотанковых орудий, лафет к лафету установленных на улице в 200 метрах от моста. Никакого сопротивления со стороны русских не было – расчеты крепко спали.

Из «Истории 3-й танковой дивизии»:

«То, что не удалось вчера, удалось сделать сегодня. Третья рота 3-го моторизованного полка под командованием гауптмана Пешке неожиданно быстро штурмует город и внезапным налетом захватывает большой северный мост!

К удивлению немецких солдат, в 200 м напротив стоят без охраны шесть тяжелых зенитных орудий. Стрелки с победным криком бросаются к орудиям и извлекают спящих россиян из-под одеял. Боевые машины 3-го батальона 6-го танкового полка в 10.30 беспрепятственно вступают в город».

Закрепившись на окружающих высотах, немцы начали «зачистку» местности.

В то же время командир 9-й танковой роты обер-лейтенант Вартманн сформировал дозорную группу (45 чел., 2 танка с радиостанцией и бронетранспортер), с которой двинулся дальше на юг. Примечательно, что горючее для этой группы сливали из всех машин полка. Пройдя передовую охранную линию в районе Искивцы-Сенчанское, группа начала свой маршбросок.

Через 5 часов в город вступили части немецкого 6-го танкового полка (ком. – подполковник Мюнцель).

Из «Истории 3-й танковой дивизии»:

«При приближении немецких машин Советы бросают свои повозки и убегают в ближайшие поля подсолнечника.

Опять появляются Советы. На этот раз огромная колонна из батарей, обозов, строительных батальонов, передков, повозок и тягачей. Здесь же были конные казаки и два танка. Опять застрочили пулеметы. Стреляя на ходу, наши танки с большой скоростью врезались в середину этого потока. Обер-лейтенант Вартманн и его солдаты знают только одно: вперед! Его отряд катится дальше – впадинами, приболотными низинами, лесами, полями, хрупкими деревянными мостами.

Уже давно солнце стало красно-золотистым. В бинокли солдаты рассматривали силуэт города (Лубны).

Облака дыма и гари вились над домами, гремели артиллерийские выстрелы, трещали пулеметы. Без сомнения, в нескольких километрах отсюда ведет бой ударный отряд группы армий «Юг»!

«Танки вперед!» – приказывает обер-лейтенант Вартманн. Боевая группа приходит в движение, вдруг выскакивают какие-то серые персонажи, перемазанные глиной, обросшие щетиной, и машут, машут. Это солдаты 2-й роты 16-го саперного батальона 16-й танковой дивизии (группы армий «Юг»)! Время – точно 18.20. Солдаты указывают место, где можно перебраться через ручей. Обер-лейтенант Вартманн переходит его со своими машинами и поворачивает на Лубны. Через некоторое время он дает знать о себе генерал-майору Хубе. Клинья обеих групп армий сомкнулись!.

На склоне дня танки с буквой «G» достигли окрестностей Лубен, где стали рядом с танками на борту которых красовалась буква «K»».

А что же в самых Лубнах? Как развиваются события?

Утром 14 сентября в Лубнах комендантский взвод, связистов, штабных работников и политсостав полка (94-го пограничного) подняли по тревоге. Командир приказал занять оборону в районе двух деревянных мостов через Сулу. Железнодорожный мост обороняли внутренние войска НКВД.

Около 6 утра 14 сентября немцы предприняли попытку с ходу прорваться по мостам через р. Сула, однако эта атака была отбита. Часов в 6 утра, скорее несколько позже, из с. Засулье появились грузовики с немецкой пехотой. Они пытались с ходу прорваться через мосты в город. Натолкнувшись на сильный огонь пограничников, немцы отступили. Подтянув минометы и артиллерию, начали обстрел и атаковали. Пехоту пограничники задержали, но три танка проскочили через мосты и ворвались в город.

Тогда они подтянули артиллерию и минометы и начали обстрел позиций оборонявшихся.

Под их прикрытием 79-й пехотный полк и 2-й батальон 64-го пехотного полка 16-й танковой дивизии возобновили атаки на г. Лубны. Немецкие части, выбивая советские войска с оборонительных рубежей, загоняли их в городские кварталы.

Майор Врублевский приказал дежурному по полку, младшему политруку Сидоренко собрать всех, кто еще оставался в штабе – писарей, связных батальонов и рот, и уничтожить танки.

Пограничники не имели навыка боя в крупных населенных пунктах, у них не имелось достаточной артиллерийской и пулеметной поддержки, поэтому постепенно, отстреливаясь, они отступали вдоль улиц к центру. В руки противника попали первые пленные.

День 14 сентября стал решающим для образования кольца вокруг войск Юго-Западного фронта. С утра 16-я танковая дивизия начала штурм г. Лубны. Силы 79-го пехотного полка полковника фон Аренсторффа при поддержке 2-го батальона 64-го полка под командованием хауптмана Фондерманна предприняли наступление на город. После ожесточенного боя Лубны были оставлены советскими частями.

Солдатам 11-й и 12-й рот 64-го полка удалось сбить бомбардировщик «СБ», неразумно пролетавший низко над домами в сторону переправ.

Пути отхода на восток для войск 26-й армии оказались отрезаны. Кроме того, колонна штаба и Военного совета Юго-Западного фронта, которая намеревалась объединиться с ней, лишилась такой возможности.

Из воспоминаний очевидицы событий (**Наталия Павловны Кокошко** – 1924 года, в 1941 году ей было 17 лет, 18 исполнилось в октябре, подруги ее звали Талочка)

«...она с подругами сидела на любимой скамейке в саду... В сад вбежали солдаты с тяжелым пулеметом. Они поползли к краю склона, очень смешно виляя задними частями тела и увлекая за собой пулемет на колесиках «Максим». Девушки засмеялись. На что один из солдат крикнул: «Идите домой, дуры!». Девушки не перестали смеяться, и в эту минуту посыпались листья и мелкие ветви, засвистели пули. По городу из Засулья стреляли подходящие части 16-й танковой дивизии.

Девушки бросились врассыпную, по домам.

Город с боем стали занимать немецкие части, подавляя очаги сопротивления пограничников.

Некоторые лубенчане, воспользовавшись отсутствием какой-либо власти, ограбили магазины, склады, пекарню. Часть из них заплатила за это жизнью, так и оставшись лежать рядом с недоворованным мешком муки.

Прибежал лейтенант-зенитчик и предложил помощь (Талочке), так как они получили приказ отходить, он мог взять их с собой.

Они сели в грузовик (Талочка и лейтенант), в кузове были солдаты, а лейтенант уступил свое место в кабине, рядом с водителем, Талочке. Машина помчалась по улице. Вероятно, зенитчики намеревались попасть в Пирятин, где находился штаб фронта. То есть ехали в сто-

рону Киева, на запад. На востоке были немцы, на севере вел бой героический отряд пограничников, занесенных войной в глубокий тыл с западной границы.

Грузовик сделала несколько поворотов улицам и выехал на перекресток возле церкви, недалеко от школы (штаба пограничников).

Эта церковь сохранилась до сих пор, но вокруг практически не осталось старых зданий. Мотор заглох в самый неподходящий момент. Водитель тут же выскочил из машины и оказался за углом вместе с другими солдатами, которые выпрыгнули из кузова. На Талочку, как ей показалось, смотрел немецкий танк, стоявший на перекрестке. Его башня медленно возвращалась, солдаты кричали: «Ложись!!!». Талочка посмотрела на грязный пол кабины. Ее красивое светлое платье не позволяло вот так вот просто улечься на пол.

В этот момент по кузову и по кабине кто-то сильно забарабанил. «Шары!» – пронеслось в голове у Талочки. Она свернулась калачиком под сиденьем. Посыпалось стекло. В это время танк стали обстреливать, и он вернул башню в другую сторону. Это подоспели пограничники группы Сидоренко, посланные майором Врублевским. Водитель, пользуясь моментом, прыгнул за руль и завел мотор, еще мгновение, и грузовик, дернувшись, отъехал за угол дома.

Пограничники забросали главную машину бутылками с горючей жидкостью. Однако наступающие вслед танки открыли пулеметный огонь, и приблизиться к ним не удалось. Немецкие танкисты тоже не решились действовать дальше без поддержки пехоты и отошли.

Не останавливаясь, полуторка помчалась из города на юг, к Оржице, солдаты на ходу заскочили в кузов. Талочка высунула голову и увидела на спинке сиденья несколько дыр, из которых торчала начинка сиденья и дымила. Смерть в первый раз прошла мимо, в нескольких сантиметрах от нее».

Между тем **Сидоренко** со своей группой вышел к мостам и занял там оборону. Немецкие танки контролировали город. На другом берегу собралась немецкая пехота и бронетранспортеры.

В Лубны подошел батальон пограничников **капитана Бурцева**. Батальон Бурцева и группа Сидоренко пытались выбить немцев с моста. Немцы при поддержке артиллерии начали переходить реку. Пограничники атаковали противника. Удалось отогнать пехоту, которая прорвалась в город, но танки город удержали. У пограничников не было артиллерии, а «коктейль Молотова» хорош только в ближнем бою.

Вот что говорится в одном из документов:

«Батальон капитана Бурцева контратаковал противника, выбил из города его передовые подразделения, но неоднократные попытки атаковать немецкие танки на мосту успеха не имели. У пограничников отсутствовала артиллерия».

Ближе к вечеру в Засуллье подтянулись новые подразделения немцев. Двенадцать танков и пехота пошли в атаку. Пограничники отчаянно сопротивлялись...

В этот момент в район табачной фабрики (на западной окраине города) прибыл еще один батальон пограничников под командованием **капитана Татянина**. Врублевский с ходу ввел его в бой. Пограничники подожгли два танка, однако были остановлены сильным огнем.

Вот строки из наградного листа:

«13 сентября 1941 при отсутствии командира взвода **старшина Парфенов** принял на себя командование, оборонял мосты под Лубны. Весь день немцы пытались овладеть ими, но под сильным огнем взвода Парфенова вынуждены были отходить, оставляя трупы своих солдат. За 13 сентября взводом было уничтожено до 60 немцев. Старшина Парфенов лично забрасывал бутылками с горючим 2 немецких танка.

14 сентября, будучи с отрядом пограничников под командованием техника-интенданта Фокина, старшина Парфенов несколько раз ходил в разведку, добывая для отряда ценные сведения. Находясь в окружении противника, Парфенов проявил образец стойкости и выдержки,

вышел из окружения в полной форме и с оружием, и вывел еще 8 красноармейцев. Достойный представления к правительственной награде орденом Красной Звезды».

Под давлением противника батальоны отошли и к вечеру закрепились на север от Лубен.

В целом на Лубны наступала пехотная дивизия, которую поддерживало примерно полсотни танков и артиллерия.

Не смогли отойти только пограничники, которыми руководил младший политрук Сидоренко. Отрезана от основных сил, горстка бойцов продолжала бороться. Бойцам удалось поджечь еще один танк, но остальные, обойдя горящую машину, продолжали лезть вперед. В критический момент боя, когда были потрачены все бутылки с горючей смесью, Сидоренко взял последний резервный ящик. Политрука заметили фашистские танкисты. Одна за другой по нему ударили пулеметные очереди. Несколько пуль попало в ящик. Сидоренко ранило в живот. От возгорания бутылок на нем загорелась гимнастерка. Пограничник Юдин сорвал с политрука горящую одежду, перевязал ему рану. Фашисты лезли напролом. Сдерживать их уже нечем. Ни патронов, ни гранат, ни бутылок с зажигательной смесью. Обессиленный от потери крови, младший политрук Сидоренко приказал бойцам, оставшиеся в живых, выйти из боя, а сам вместе с **пограничником Юдиным** остался прикрывать их отход.

Из воспоминаний Сидоренко:

«Пришел в себя я, в сарае у какой-то мельницы. Рядом со мной лежали такие же, как я, раненные. Появились фашисты. Они погрузили нас в машины и увезли».

Пройдя через все ужасы гитлеровских концлагерей, младший политрук Сидоренко остался жив.

Вот что значит: «шестнадцатого танковая дивизия Хубе встретила ожесточенное сопротивление и решила закрепиться в ожидании массированного наступления противника».

14 сентября в 18.20 у Лохвице встретились передовые отряды 3 танковой дивизии 2-й танковой группы и 9 танковой дивизии 1 танковой группы.

Острые танковой группы Гудериана («Г») встретилось с острием танковой группы Клейста («К») за спиной 50 красных дивизий. Большое кольцо окружения под Киевом было замкнуто.

Вертен:

«И снова стояла шестнадцатая танковая дивизия, как у Монастырища, на восточном краю „котла“ лицом на запад, снова должна была быть готова к тяжелым боям с русскими, которые прорываются на восток. Впереди снова были тяжелые дни».

Историк 16-й танковой дивизии оспаривает у соединения фон Хубицки «честь» замыкания «котла». Но интереснее другое – немцы ожидали с первых же дней окружения наступательных действий со стороны советских войск. Солдаты и офицеры вспоминали удар у Оратова и Животова, которым И. М. Музыченко ответил на угрозу окружения.

Как мы видим, и противник в лице сидящих в окопах немецких пехотинцев, и командир танковой дивизии Хубе, и командование советских войск в лице Б. Шапошникова и С. К. Тимошенко ожидали одного и того же – удара с целью выхода из окружения. Но М. П. Кирпонос даже не пытался его организовать, он не оправдал их ожиданий.

Фашисты обошли город и, по сути, окружили полк пограничников, который стал на их пути. Фактически полк оказался в двойном кольце. Правда, тогда пограничники не знали об этом. Полку приказали защищать город Лубны, и пограничники действовали, исходя из этой задачи.

В тот же день 16 тд приготовилась к обороне на внутреннем фронте «котла»:

«Дивизия приготовились к обороне на плацдарме в Осовцах и Тернах (это окраина Лубен- авт.).

2 саперная рота 16 саперного батальона под командованием обер-лейтенанта Риншена вошла в соприкосновение с разведгруппой 5-й танковой дивизии, которая подошла с севера (так в оригинале, правильнее – «3-й танковой дивизии» -авт.).

На Василенковом поле, другой окраине Лубен, закрепился 94-й пограничный полк майора Врублевского. Майор Врублевский решил снять роты батальона с рубежа реки Оржице и прикрыть ими главные силы полка с востока.

После занятия г. Лубны немцами командир 94-го пограничного полка майор Ф. И. Врублевский организовал разведку, чтобы определить состав группировки противника и его вероятные намерения. В город отправился **командир отделения комендатуры Г. И. Беспояско**. По возвращении он доложил, что в Лубнах находятся до 20 танков, сосредоточенных неподалеку от Старого моста. Переправы прикрыты четырьмя зенитными пулеметами. Самый важный вывод, который сделал Г. И. Беспояско, звучал так:

«По мнению источника, немцы предполагают нанести удар из города Лубны через мосты в направлении с. Засулье и далее на восток, т. к. там действует какая-то часть Красной Армии, которая отрезала группу противника, прорвавшуюся в город Лубны, от его основных сил в направлении Солоницы».

О полученных сведениях и выводах Г. И. Беспояско майор Ф. И. Врублевский доложил начальнику боевого участка **полковнику М. К. Перепелкину**, добавив от себя, что факты требуют «проверки и уточнения». А вот как поступил с этими сведениями тот – неизвестно. К сожалению, в докладной записке было неправильно определено намерение противника, он действительно готовился атаковать от Лубен, только не в восточном, а в западном направлении.

Из книги Г. Гудериана «Воспоминания солдата»:

«Ночь я провел в помещении школы в Лохвице. Школа находилась в крепком доме и была хорошо оборудована, как и все школы в Советской России».

15 СЕНТЯБРЯ

К полуночи 15 сентября машины ударной группировки 9-й моторизированной пехотной дивизии вышли к станции Сенча. Впереди лежала река Сула.

15 сентября 3-я танковая дивизия силами 6-го полка (10 танков) продолжала «закрывать» Лохвицу. Остальные части дивизии находились еще на значительном расстоянии от города. В этот день командный пункт генерал-лейтенанта Моделя посетил Г. Гудериан.

Комендантом Лохвицы был назначен майор барон фон Бер. Перед полднем с востока, со стороны Сенчи, к городу подошли главные машины 33-го танкового полка 9-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Г. фон Хубицки. Киевский котел был закрыт окончательно. Третья танковая дивизия начала подсчет пленных: утром 16 сентября было зарегистрировано 400 чел., К вечеру эта цифра увеличилась до 2000.

Генерал-полковник Гудериан прибыл в то победное утро на наблюдательный пункт майора Франка под Лубнами. В своих воспоминаниях он писал:

«Рано утром 15 сентября я посетил передовой отряд 3-й танковой дивизии, которым командовал майор Франк; этот отряд накануне отбросил россиян в районе Лохвицы на запад и в течение ночи перехватил пехоту противника,двигающуюся на 15 автомашинах. С наблюдательного пункта майора Франка, расположенного возле Лубен, местность очень хорошо просматривалась, и можно было наблюдать за движением транспортных колонн русских с запада на восток. Однако это движение вскоре нами было приостановлено.

Во 2-м батальоне 3-го мотострелкового полка я встретил Моделя, который доложил мне свой план дальнейших действий. В заключение я посетил ряд подразделений 3-й танковой дивизии и разговаривал с командиром 6-го танкового полка подполковником Мюнцелем. В этот день Мюнцель располагал только одним танком Т-IV, тремя танками Т-III и шестью танками Т- I; таким образом, полк имел всего десять танков. Эта цифра дает наиболее наглядное представление о том, насколько войска нуждались в отдыхе и приведения в порядок. Эти

цифры свидетельствуют также о том, что наши храбрые солдаты делали все, что было в их силах, для того, чтобы выполнить поставленную перед ними задачу».

Какая обстановка в 94-м пограничном полку?

В расположение роты **Рыкова** прискакал на коне оружейный мастер отряда **сержант Астахов** и передал, чтобы рота прибыла в село Новаки. Шли полями, придерживаясь дороги на Высший Булатец. Везде слышалась артиллерийская стрельба. Чем ближе рота подходила к Высшему Булатцу, тем отчетливее звучала стрельба. Неожиданно и вокруг них стали рваться снаряды. Не успели они укрыться в лесных посадках, как увидели идущие прямо на них по пшеничному полю немецкие танки. Это было настолько неожиданно, что сначала бойцы растерялись. Затем кому-то пришла спасительная мысль – поджечь поле. Под прикрытием огня и дыма рота спряталась от преследования.

В селе Новаки на роту уже ждал помощник **Авдюхина** по комсомольской работе **Петр Латышев**, которого **Паджев** знал еще по Славутском отряде. Это был общительный, жизнерадостный человек лет двадцати семи. Латышев объяснил им, что полк вынужден был оставить Лубны и теперь его батальоны окопались к северу от города. Роте Рыкова приказано занять оборону на развилке дорог у села Клепачи и прикрыть основные силы полка с востока.

– Почему с востока? – спросил Рыков.

– Немцы форсировали Сулу и оказались в нашем тылу, – ответил Петр. – Вот вы и станете на их пути. Выдвигаться к Клепачам надо немедленно.

Латышев рассказал, как добраться до места, и рота пошла по лесной дороге до высотке, что маячила вдалеке. Когда подошли к ней, то увидели ветряк, что распластал крылья. Чуть поодаль в сумерках проглядывалась деревня. Это и были Клепачи.

Не успели бойцы начать окапываться, как раздался шум моторов. Все насторожились. Неужели немцы?

– Приготовить бутылки с зажигательной смесью! – приказал капитан Рыков.

На дороге появилась бронемашина. Она неторопливо приближалась к ним. Вот уже видно отличительные знаки. Наша. Бойцы вышли из укрытий. Броневи́к остановился. Из него вылез генерал.

– Где штаб вашего полка? – спросил он.

– А вы кто будете? – поинтересовался Рыков. – Прошу предъявить документы.

– **Я командир 6-го стрелкового корпуса генерал-майор Алексеев**, мне нужно видеть майора Врублевского, командира пограничного полка.

Проверив у генерала документы, командир роты выделил ему сопровождающего. Бронемашина покатила дальше.

Пока рота Рыкова окапывались, со стороны Пирятина на помощь героическим пограничникам майора Врублевского в Лубны прибыл бронепоезд. Затем по дороге проехали автомашины с прицепленными к ним пушками.

Капитан Рыков организовал службу охраны и позволил людям отдыхать. Они стали укладываться. В лесу и в деревне было тихо. Однако где-то за Сулой то и дело взлетали ракеты, освещая сероватым светом низкие облака. Изредка там стучали взрывы и раздавался приглушенный треск пулеметных очередей.

16 СЕНТЯБРЯ

Генерал Ф. Я. Костенко 16 сентября отдал приказ за номером 0029. В нем командарм-26 утверждал, что отдельные группы противника прорвались в район г. Хорол и Лубны. Поэтому требовалось создать боевой участок по линии Лукомье – Лубны – Хитцы – Духово – Великая Круча – Харьковцы – Усовка, чтобы не дать противнику возможность переправиться на западный берег р. Сула и южный берег р. Удай. Командиром назначался генерал И. И. Алексеев со штабной группой, которая должна разместиться в с. Высший Булатец. В состав боевого участка включались: 812-й стрелковый, 866-й артиллерийский полки, 16-й запасной полк

связи, маршевый батальон, пограничные части НКВД, 289-я дивизия, а также все части, которые будут обнаружены в этом районе.

Перед генералом И. И. Алексеевым стояла задача организовать упорную оборону указанного рубежа и подготовить условия для наступления с целью разгрома прорвавшегося противника. 289-й дивизии особо предписывалось быть готовой к наступлению в двух направлениях: на Пирятин, Чернухи и далее на восток или на Пирятин, Лазорки, Лубны, Рамодановка.

Уже 16 сентября пограничники, охранявшие войсковой тыл 26-й армии, отмечали первые признаки деморализации войск. По сведениям **командира эскадрона старшего лейтенанта Евстафьева**, разбежались по лесам 61, 92, 161-й стрелковые и 76-й артиллерийский полки, не имевший материальной части. Это был весьма тревожный синдром, однако в суматохе поспешного отхода на такие вещи уже почти не обращали внимания.

Все сведения требуют уточнения и критической оценки, так как, к примеру: 161-й сп (командир полковник А. Г. Капитохин, начальник штаба ст. л-т Дацко), входил в 41-й сд в состав 95-й сд, которая в это время находилась в составе войск, оборонявших Одессу, а 61-й сп был в составе 21-й дивизии народного ополчения Киевского района г. Москва.

На рассвете 16 сентября в **196 сд** поступает приказ командующего **26 А** генерал-лейтенанта **Ф. Я. Костенко** (его передал начальник штаба армии полковник **И. С. Варенников**) – 196-й сд быть готовой занять новый оборонительный рубеж по реке **Оржица** в створе сел **Круподеренцы, Дешковка**.

В доступных источниках первую ссылку на появление военных формирований 26 А на территории Оржицкого района находим в книге В. М. Шатилова «А до Берлина было так далеко...». В дальнейшем все, что касается информации о деятельности 196 сд в период с 16.09. по 26.09.1941 года, будет основано на воспоминаниях Шатилова Василия Митрофановича, на 16.09.1941 года майора, начальника штаба 196 сд (в дальнейшем – генерал-полковник).

Снаряжается рекогносцировочная группа во главе с начальником оперативного отделения майором **Михаилом Ивановичем Карташовым**. (Начальник 1-го отделения штаба 196 сд с 01.04.1941 года, 1901 года рождения, уроженец дер. Ивановская, Московского района, Горьковской области, в Красной Армии с 1918 года, 21.09.1941 попал в плен в районе с. Денисовка, находился в лагере офлаг XIII D (62), был передан гестапо/СД). В группу включаются дивизионный связист, инженер, начальник разведки и представители полков. На карте, в предварительном порядке, намечаются участки для полков, огневые позиции для батарей, наблюдательные пункты, расположение тыловых служб и пути подхода к ним. Ставится задача проверить все это визуально, оценить практически на местности.

В сопровождения стрелкового взвода рекогносцировочная группа сразу же выдвигается в заданный район и примерно через час находится уже у цели (расстояние около 30 км по относительно сохраненной дороге).

На этот момент 196-я сд дивизия находится в районе с. Иркилев, ранее заменив стоявшую там 212 сд.

Под селом **Белоусовка** у моста группа **М.И.Карташова** неожиданно была обстреляна из пулеметов и минометов, она разворачивается и немедленно возвращается.

Значит уже на 16.09.1941 года в районе села Белоусовка были передовые немецкие подразделения, вероятнее всего, из 16-й тд.

Первое предположение, о том что они принадлежали к 257 пд вермахта, было неверным, так как ее подразделения были еще слишком далеко, что становится понятным при анализе диспозиции 11-го армейского корпуса на тот момент.

Согласно известных на сегодня данных, в течение дня 16 сентября войска XI корпуса вермахта (11-й армейский корпус (нем. XI. Armeekorps; в сентябре 1941: 125-я пехотная диви-

зия; 239-я пехотная дивизия, 257-я пехотная дивизия и временно ему приданная 24-я пд), которому суждено будет вскоре сыграть одну из важнейших ролей в окружении 26-й армии в районе с. Оржица, заканчивали приготовления к наступлению вглубь образованного танковыми и механизированными соединениями кольца.

Им, в основном, должны были противостоять подразделения части 37-й кавалерийской дивизии совместно с 97-й стрелковой дивизией, отошедшие на правый берег р. Сула и в дальнейшем поступившие в подчинение командующего 26-й армией.

Перед ними стояла задача не допустить прорыва войск противника во фланг и тыл основной группировки армии, все еще занимавшей оборону по р. Днепр.

В отличие от 97-й стрелковой 37-я кавалерийская оказалась в составе 26-й армии не в полном составе. Часть управления, в том числе командир соединения **полковник Г. М. Ройтенберг** и военком, осталась вне кольца окружения и отходила в составе 38-й армии (сразу после отхода была в районе Решетиловки). Остальные части двигались сначала в сторону г. Лубны, однако, получив сведения, что у города появились части противника, повернули на запад. В дальнейшем они приняли активное участие в боях на р. Оржица.

Советское командование продолжало удерживать свой фронт по Днепру, по непонятным немцам причинам не обращая никакого внимания на появившиеся в своем тылу крупные моторизованные соединения.

В 12.15 в немецкие войска поступил приказ о форсировании р. Сула и дальнейшем наступлении в северном направлении. Он устанавливал разграничительные линии между 24-й, 257-й, 239-й и 125-й пехотными дивизиями и ставил перед ними соответствующие задачи, в том числе по наведению мостов и порядку их использования.

В распоряжении соединений имелись две переправы – 8-тонный мост, сооруженный саперами 239-й пд в районе с. Липовое и мост у с. Жовнин, ответственность за возведение которого лежала на 617-м саперном штабе, приданных ему двух мостовых командований и 73-м саперном батальоне. Кроме того, часть саперов 125-й пехотной дивизии придавалась 257-й пд, которой предстояло образовать плацдарм у с. Жовнин.

В дальнейшем на него предполагалось перебросить силы 24-й пехотной дивизии, которая только что прибыла в состав корпуса. Чтобы она получила возможность развернуться как можно скорее, 257-я дивизия, после достижения первой цели наступления, должна будет атаковать в южном направлении, навстречу своей соседке.

В состав 257-й пехотной дивизии входили (командир – генерал-лейтенант Карл Закс (нем. Karl Sachs) с 1 марта 1941 по 1 мая 1942):

- 457-й пехотный полк
- 466-й пехотный полк
- 477-й пехотный полк
- 257-й истребительно-противотанковый дивизион
- 257-й разведывательный батальон
- 257-й артиллерийский полк
- 257-й батальон связи
- 257-й саперный батальон
- 257-й батальон снабжения и другие дивизионные подразделения.

А что же 196-я сд?

Начальник штаба **26 А** полковник **И.С.Варенников**, после доклада командования 196-й сд, оставляет приказ в силе, мотивируя случившемся, возможным появлением отряда немецких парашютистов-диверсантов. Группа **М. И.Карташова**, после повторного приказа **В.М.Шатилова** (начальника штаба **196 сд**), снова едет на **р. Оржица**, но под охраной роты, усиленной взводом станковых пулеметов.

Вполне очевидно, что речь идет не о реке Оржица, а о реке Чумгак, на которой, собственно, и расположено село Белоусовка, сейчас Драбовского района Черкасской области, а в 1941 году оно было в составе Оржицкого района Полтавской области. Только ниже по течению, после слияния Чумгака с рекой Гнилая Оржица перед Савинцами и будет начинаться собственно река Оржица.

Ситуация повторяется, с противоположного берега снова открывается плотный ружейно-пулеметный огонь. **М.И.Карташов** приказывает личному составу покинуть автомобили, разворачивает их в цепь и пытается атаковать «диверсантов», но сил маловато и атака захлебывается. Попытки **М. И. Карташова** выйти к **р. Оржица (Чумгак)** в других местах также натываются на немцев.

Ситуация непонятная, в т.ч. и после очередного доклада **В. М. Шатилова** полковнику **И. С. Варенникову**, который предлагает ждать приказа.

Варенников Иван Семёнович. В годы гражданской войны служил рядовым в армии Колчака. С начала войны по 20 сентября 1941 г. – начальник штаба 26-й армии 1-го формирования, полковник; с 31 октября 1941 г. по 5 октября 1942 г. – начальник штаба 37-й армии 2-го формирования, генерал-майор с 2 января 1942 г.; с 6 октября по 31 декабря 1942 г. – начальник штаба Сталинградского фронта 2-го формирования, генерал-майор; с 1 января по 9 апреля 1943 г. – начальник штаба Южного фронта 2-го формирования, генерал-майор.

В 1943 г. **Варенников** был генералом для поручений у **Жукова**. Арестован в марте 1948 г. по обвинению в антисоветской деятельности. После ареста сошёл с ума (психогенный паранойд). С августа 1951 г. находился в психиатрическом отделении Бутырской тюрьмы. Более года находился на принудительном лечении. 26 марта 1953 г. признан вменяемым. В июле 1953 г. освобождён из-под стражи, дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Вечером 16 сентября поступает приказ командующего **26А Костенко Ф. Я.**, в котором вновь предлагается занять оборону по **р. Оржица** в том же районе, где группа **М.И.Карташова** столкнулась с вражескими подразделениями. О силах врага, его намерения приказ не говорит, очевидно, штаб **26А** не обладает истинной информацией.

Генерал **А. И. Лопатин Лопатин Антон Иванович** (в 1941 г. генерал-майор, с 1942 года – генерал-лейтенант), командир корпуса (**31 ск**), меняет задачу для **196 сд** и приказывает с боями выходить в направлении село **Белоусовка** – город **Лубны**. Приказ не указывает на взаимодействие с другими частями, и на то, какие части поддерживают **196 сд**, и какие поддерживает она. Дивизии, фактически, предоставляется полная свобода действий по выходу из окружения.

Значит Белоусовка на конец 16.09.1941 года остается в руках немцев, по крайней мере, с левой стороны реки Чумгак.

После более чем двух месяцев напряженных боев в **196 сд** уже не было гаубичного полка, зенитного и противотанкового дивизиона. В стрелковых полках было по две-три неполноценные роты. В единственном артиллерийском полку остались две батареи по три пушки. Ситуация усугублялась тем, что запас снарядов и патронов подходил к концу. Заканчивалось и продовольствие, интендантские передвижные склады опустели: ни консервов, ни круп, ни даже традиционных галет. Ко всем бедам присоединилась еще и непомерная усталость личного состава – и физическая, и моральная. Но в целом среди личного состава не было ни уныния, ни тем более паники, люди сохраняли спокойную уверенность, были готовы ко всему.

Учитывая полученную информацию, ориентировочная максимальная численность **196 сд** на **16.09.1941** года составляла около **800—1000** человек личного состава (но не более чем **1 200** чел.).

Мало вероятно, что приказ на занятие рубежей по реке Оржица получила только 196 сд. Возможно предположить, особенно с учетом дальнейших событий, такой приказ, как минимум, получила и 116 сд. Напомним также, что официального приказа на отход части 26-й армии от командования Юго-Западным фронтом еще не получили, а 196-й сд (возможно и не только ей) уже приказано отойти и занять новые рубежи.

Состав 196 сд первого формирования:

863-й стрелковый полк
884-й стрелковый полк
893-й стрелковый полк
725-й артиллерийский полк
739-й гаубичный артиллерийский полк
228-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион
484-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион
262-й разведывательный батальон
353-й саперный батальон
572-й отдельный батальон связи
99-й медико-санитарный батальон
190-й взвод дегазации
285-й автотранспортный батальон
340-й полевой авто хлебозавод
724-я полевая почтовая станция
562-я полевая касса Госбанка

В 18.00 командир XI корпуса вермахта (с 1 марта 1940) генерал пехоты Йоахим фон Корцфляйш встретил на своем командном пункте начальника штаба XXXXIV корпуса. Предметом обсуждения стали вопросы взаимодействия частей и соединений во время предстоящего наступления. Помимо всего прочего, от него было получено обещание оказать необходимую артиллерийскую поддержку во время форсирования р. Сула и борьбы за плацдармы.

Состав 239-пд вермахта (в июне 1940 г. – на Западе, в июле 1940 г. расформирована (оставлен лишь костяк дивизии), в мае 1941 г. вновь восстановлена; с июня 1941 г. – на Востоке; в январе 1942 г. Расформирована):

327-й пехотный полк
372-й пехотный полк

Вечером немецкие дивизии стали выдвигаться в исходные районы. Так, 239-я заняла своим 327-м полком западную окраину с. Липовое, позади него сосредоточился 372-й. В районе села сосредоточилась большая часть артиллерии, предназначенной для поддержки во время форсирования и борьбы за плацдарм. В район с. Галицкое перешла двумя полками 257-я пехотная дивизия, а 24-я усиленным 32-м полком в течение ночи должна была выйти на западную окраину с. Маляровка.

Состав 24-пд вермахта:

31-й пехотный полк
32-й пехотный полк
102-й пехотный полк
24-й артиллерийский полк
1-й дивизион 60-го артиллерийского полка
24-й разведывательный батальон
24-й противотанковый батальон
24-й саперный батальон
24-й батальон связи

24-й запасной батальон

Всю вторую половину дня наблюдатели дивизий и корпуса с тревогой следили за противоположным берегом, гадая, заметило ли советское командование приготовления к форсированию реки. Увиденное вселяло в немецких командиров уверенность, что все прошло удачно и сосредоточение войск пока никем не обнаружено. Никаких изменений в размещении и составе войск на западном берегу р. Сула не произошло, в ближнем тылу не было видно никаких существенных передвижений войск или транспорта. По району, занятому 239-й и 257-й дивизиями, вели беспокоящий огонь две артиллерийские батареи, однако он по своей интенсивности ничем не отличался от обстрелов в предыдущие дни.

Состав 125-й пехотной дивизии вермахта (командир дивизии- генерал-лейтенант Шнекенбургер):

419-й пехотный полк – полковник Фриббе

420-й пехотный полк – полковник Циммерман

421-й пехотный полк – полковник Райнгарт

125 –й артиллерийский полк – полковник Фильцингер

125-й батальон святы

125-й саперный батальон

125-й разведотряд

125-й ПТД

Командир 125-й дивизии отправил усиленную разведку, и ей посчастливилось захватить грузовик и нескольких пленных. Их показания подтвердили общую картину. Наконец, воздушная разведка также не выявила никаких значительных передвижений в районе предстоящих боевых действий. Все свидетельствовало в пользу того, что здесь никто не ожидает немецкого наступления. К исходу дня солдаты XI корпуса находились в полной готовности к атаке, а командиры имели все основания рассчитывать на успех.

Еще одним воинским соединением вермахта, принявшим участие в формировании Оржицкого котла и уничтожении 26-й армии, стал **XXXV армейский корпус (Тридцать пятый армейский корпус (нем. XXXV. Armeekorps) – общевойсковое соединение германской армии. Впервые сформирован в октябре 1939 г. в Глогау. С июня 1941 г. входил в группу армий «Центр». Командир – генерал артиллерии Р. Кэмпфе (до 19 июля 1942 года). В его составе в сентябре 1941 года находились 45, 134 и 293-я пехотные дивизии. 134-я пехотная дивизия (нем. 134. Infanterie-Division) – тактическое соединение германской армии. Сформирована в октябре 1940 г. в XIII военном округе.**

К вечеру 16 сентября, наступая с северного направления, они представляли себе картину формирующегося окружения так: сопротивление советских войск перед фронтом немецких дивизий в основном слабое и неорганизованное, только на отдельных участках красноармейцы сражаются с ожесточением, однако сразу отходят, если возникает угроза обхода или окружения. Артиллерия оборонявшихся также слаба: как правило, огонь ведут не более одной-двух батарей.

Намерения советского командования казались немцам неопределенными, им никак не удавалось понять его логику. До сих пор оно не организовало ни одного настоящего прорыва из кольца, хотя его угроза была очевидной. Направления отхода также казались странными: на одних участках советские войска двигались в восточном, на других, напротив, в западном направлении. Все свидетельствовало «об исключительной пассивности, которой не имелось объяснения. Может, русские планируют соединиться вокруг Киева?». Пусть это не покажется странным, но у командования Юго-Западным фронтом и у командующего 21-й армией имелись соображения на отвод войск фронта именно к столице Украины, но от них отказались в силу разных причин.

Г. Гудериан записал в дневнике:

«16 сентября наш передовой командный пункт в Ромнах. Окружение российских войск успешно продолжается. Мы соединились с танковой группой Клейста».

17 СЕНТЯБРЯ

Из докладной **Ивана Христофоровича Баграмяна** маршалам Шапошникову и Тимошенко – Лубны заняты противником. До 30—40 танков с батальоном пехоты еще днем 17.09.41 прорвали фронт отряда генерал-майора И. И. Алексеева и отбросили его на запад от Лубен. Точного положения отряда И. И. Алексеева никто не знает. Из показаний отдельных красноармейцев, которые пытались прорваться в направлении Ромны, известно о наличии мелких групп противника на южном берегу р. Удай от ее устья и до Куреньок.

Из этой же докладной узнаем, что на левом фланге до 30—35 танков противника из района Лубны днём 17.09.41 начали действия на западном направлении и овладели Яблоново, действуя на тылах левофланговых частей 26 Армии.

«Отряд И. И. Алексеева» – понятие достаточно относительное, так как ни времени, ни достаточных действий для его организации не было. Так что «фронт» обороны в Лубнах, как таковой, не состоялся.

Опять же, то что в район Яблоневого танки выдвинулись только 17.09. не означает, что впереди них не двигались диверсионные и разведывательные подразделения.

Теперь хотелось бы кое-что уточнить по поводу Лубен.

Здесь нам помогут воспоминания пограничника **Паджева Михаила Григорьевича**, из его книги (*Паджев М. Г. «Через всю войну». – М.: Политиздат, 1983.*). Он вспоминал, что 8 сентября майор Врублевский (командир 94-го пограничного полка) получил из штаба 26-й армии приказ: «Срочно прикрыть угрожающие направления по реке Оржица на Лубны».

Полк был поднят по тревоге. Однако сосредоточить его на указанной границе оказалось делом непростым. Штабы батальонов получили распоряжения по радио. Далее все зависело от расторопности пеших посыльных.

Ближе к штабу полка стоял батальон, где служил Паджев М. Г.. Они могли выйти к реке Оржице в установленный срок. Остальные два батальона находились на значительном расстоянии от города Лубны, и рассчитывать на их скорую помощь не приходилось. Сначала в город были переброшены только штабные подразделения и штаб полка. Из-за отсутствия транспорта оставались на месте в Драбове тыловые подразделения отряда.

Таким образом, полк оказался в затруднительном положении. Часть его находилась на марше, другая часть оставалась на прежних рубежах. Почти все продовольствие и боеприпасы были в Драбове. А тут еще стало известно, что немцы наступают не только с юго-запада в направлении реки Оржицы, но и с юга, от Хорола.

Получив приказ выйти к реке Оржице, подразделения батальона двинулись в путь. Туда направлялся и взвод Паджева. 9 сентября, во второй половине дня, они прибыли на КП роты в городок Лазорки. Командир роты **капитан Рыков (Рыков Афанасий Федорович, 1907 года рождения, пропадет без вести не позднее 30.11.1941 года, по другим данным – 10.01.1942 года)** зачитал приказ, в котором говорилось, что рота должна занять оборону у села Савинцы, на восточном берегу реки Оржице и не допустить переправы противника через реку. Остаток дня и всю ночь, делая лишь короткие привалы, они совершали марш. Утром вошли в с. Савинцы. Капитан Рыков приказал занять круговую оборону.

На разведку послали **лейтенанта Симонова**. Взяв у местных жителей лодку, Симонов переправился на другой берег р. Оржицы. Над водой висел густой туман. Было тихо. Вернулся Симонов часа через два и сообщил, что к реке подходят немцы. Они подготовились к бою, однако противник не появился. Пожалуй, Симонов обнаружил передовые подразделения противника, которые переправляться через р. Оржица не стали. К вечеру капитан Рыков собрал командиров взводов. В течение дня он пытался позвонить по местной телефонной

линии в штаб батальона, но сделать это не удалось. Посовещавшись, они пришли к выводу, что выгоднее занять оборону у села Черевички, где находился мост через реку. Это и было сделано. Рота перебралась в Черевички.

Далее капитан Рыков направляет Паджева с донесением к командиру батальона капитану Королькову. Штаб он нашел в Лубнах, в двухэтажном здании школы. Командир полка майор Врублевский попросил передать капитану Рыкову: пусть рота продолжает находиться на занимаемом рубеже и взаимодействует с соседней ротой их батальона, которая располагается в селе Исковцы. Если обстановка изменится, они получают необходимые указания.

Однако полку приказали защищать город Лубны, и пограничники далее действовали, исходя из этой задачи. Майор Врублевский решил снять роты их батальона с рубежа реки Оржицы и прикрыть ими главные силы полка с востока.

К ним прискакал на коне оружейный мастер отряда сержант Астахов и передал, чтобы рота прибыла в село Новаки. Шли полями, соблюдая направление пути на Высший Булатец. В селе Новаки их уже ждал помощник Авдюхина по комсомольской работе Петр Латышев, которого Паджев знал еще по Славутскому отряду. Это был общительный, жизнерадостный человек лет двадцати семи. Латышев объяснил им, что полк вынужден был оставить Лубны и теперь его батальоны окопались на север от города. Их роте приказано занять оборону у развилки дорог у села Клепачи и прикрыть основные силы полка с востока.

Не успели они начать окапываться, как раздался шум моторов. Все насторожились. Неужели немцы? На дороге появилась бронемашина. Она неторопливо приближалась к ним. Вот уже видно отличительные знаки. Наша. Они вышли из укрытий. Броневи́к остановился. Из него вылез генерал.

– Где штаб вашего полка? – Спросил он.

– А вы кто будете? – Поинтересовался Рыков. – Прошу предъявить документы.

– Я командир 6-го стрелкового корпуса генерал-майор Алексеев, мне нужно видеть майора Врублевского, командира пограничного полка.

Проверив у генерала документы, командир роты выделил ему сопровождающего. Бронемашина покатила дальше.

Позже Рыков получил приказ, в котором говорилось, что в соответствии с решением представителя командования 26-й армии генерала Алексеева 16 сентября полк в шесть часов утра переходит в наступление на город Лубны с задачей овладеть мостами через реку Сулу. Их поддерживает артиллерийский зенитный дивизион и бронепоезд. В дальнейшем атаку развивают 186-й артполк и маршевый батальон 26-й армии.

«Генерал (Алексеев) считал, что сюда прорвались лишь слабые передовые части противника, – вспоминает об их бое в Лубнах в книге „*Так начиналась война*“ **Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян**, – и поэтому решил атаковать первым. Но перед его небольшим отрядом оказались крупные силы танковой армии Клейста. Враг, конечно, отразил атаку, выдвинул танки. А в отряде Алексеева ни одной противотанковой пушки. Однако отряд не отступил. Бойцы и командиры сражались яростно...».

Так в очередной раз пограничникам 94-го отряда за первые девяносто дней войны пришлось стать на пути танков Клейста.

Командир 289-й дивизии **полковник Д. Ф. Макшанов** своим приказом №0022 от 17 сентября поставил перед подчиненными полками наступательные задачи. Он сообщал, что с утра 18 сентября правофланговая Лубенская группа предпримет наступление с целью захвата г. Лубны. Слева от нее будет атаковать 7-й батальон НКВД, действуя в направлении с. Макеевка – Лохвица. Чтобы поддержать их, 289-я дивизия также переходила в наступление, стремясь овладеть рубежом с. Куреньки – Макеевка – Бубны – Яцины. При поддержке двух рот ПВО 3-й дивизии 1048-й полк должен занять с. Куреньки и Макеевку и затем наступать на с. Мелехи. При такой же поддержке соседний 1046-й полк намеревался захватить с.

Бубны и Яцины, а на следующий день – с. Вороньки. Третий стрелковый полк дивизии – 1044-й, следовал за 1046-м, обеспечивая его левый фланг. На правом фланге действовала т. н. «авиа-группа» с задачей сначала занять с. Деймановка, а потом – с. Городище.

В подчинение полковника Д. Ф. Макшанова перешла 10-я танковая дивизия, которая сосредотачивалась у с. Харьковцы, а также 165-й запасной, 821-й артполк и 37-й мотоциклетный полк. Последнему поручалось занять с. Чернухи, после чего наступать в направлении с. Жданы. Дорогу от ст. Гребенка на Пирятин должен был перекрыть 21-й мотоциклетный батальон. Таким образом, под командованием полковника Д. Ф. Макшанова собиралась весьма значительная по составу группа войск, призванная обеспечить выход штаба Юго-Западного фронта.

17.09.41 **кавгруппа Борисова** частью сил занимала Секиринцы.

Расстояние по прямой от Секиринцев до Белоусовки около 80 км.

Маршал **А. М. Василевский** писал:

«Только 17 сентября Верховный Главнокомандующий, окончательно убедившись в невозможности разрядить ситуацию на юго-западе, позволил Юго-Западному фронту оставить Киев. В ночь на 18 сентября командование фронтом отдало приказ выходить с боем из окружения. Однако вскоре связь штаба фронта со штабами армий и со Ставкой была прервана. Войска отходили с упорными боями. 5-я, 37-я, 26-я и часть сил 21-й и 38-й армий были окружены. Выход из окружения осуществлялся в крайне сложных условиях. Войска раздробились на многочисленные отряды и группы, которые пробивались самостоятельно».

Когда командованию Юго-Западного фронта было передано разрешение Ставки на оставление Киева и отвода войск, там не поверили и потребовали письменного подтверждения. Было потеряно еще около двух суток на согласование.

Наконец 17 сентября командующий фронтом **Кирпонос** отдал приказ армиям на выход из окружения, указав такой порядок действий:

- 21 армия должна была наносить удар в общем направлении на Ромны навстречу удару 2-го кавалерийского корпуса, который пробивается с востока;

- 5-я армия – настойчиво задерживаясь на промежуточных рубежах с целью обеспечения отхода частей 21-й армии, должна нанести вспомогательный удар в направлении Лохвицы;

- 37-я армия – выведя войска из Киевского УРа, создав ударную группировку до 2—3 стрелковых дивизий, должна начать выход из окружения в общем направлении на Яготин, Пирятин за 5-й армией, составляя 2-й эшелон соединений, выходящих из окружения;

- 26-я армия – постепенно отводя свои силы с рубежа Днепра, создать ударную силу до двух стрелковых дивизий и действиями ее с рубежа р. Оржица в направлении Лубны прорвать кольцо окружения в Лубенском направлении.

Как будет видно из дальнейших событий, этими двумя дивизиями были 196 сд генерал-майора Куликова и 116 сд подполковника Буянова. Только вот действовали они не вместе, а каждая пыталась самостоятельно захватить переправу через реку Оржица в разных местах. Причем, что интересно, движение 96-я сд начала в ночь на 17.09., а приказ получила еще 16.09., что раньше по срокам, нежели поступил приказ Кирпоноса.

Приказу этому не суждено было осуществиться, поскольку в Пирятин с востока подошли главные части немцев и открыли огонь. Штаб фронта оказался на линии огня.

Немецкое кольцо окружения сначала было слабым и не смогло бы удержать организованных ударов боевых частей, но, как видно из сложившейся ситуации, из-за отсутствия связи было потеряно фронтовое управление войсками, которые отходили. Командование армий, дивизий и частей пыталось взять ситуацию под свой контроль, но делать это было трудно под постоянным бомбовым и огневым воздействием авиации и артиллерии противника.

Что же в это время предпринимал противник.

Наступление XI армейского корпуса в северо-западном направлении развивалось вполне успешно. Советские войска, расположившиеся у г. Лубны, не проявляли активности, и у немецкого командования сложилось впечатление, что 16-я танковая дивизия имеет возможность начать наступление на своем участке и сузить формирующийся котел. Восточный берег р. Оржица, протекавшей в 30 км к западу от г. Лубны, представлялся вполне достойной позицией.

В наступление генерал Х.-В. Хубе выделил боевую **группу «Хёфер»**, усиленную батальоном 16-го артополка. В Лубнах в качестве прикрытия оставался 79-й пехотный полк. Южнее «охотился» на отступающие советские части XI армейский корпус.

В 7.30 немцы перешли в наступление и, почти не встречая сопротивления, стали быстро продвигаться в сторону р. Оржица.

В 11 ч. 15 мин. (17 сентября 1941) авангард достиг городка Оржицы.

17 сентября части 16-й танковой дивизии вермахта вместе с 9-й танковой дивизией справа и 25-й моторизованной дивизией слева, заняли позиции вдоль р. Оржица в 30 км западнее Лубен. Роты «чистили» село за селом.

Уже в 13.15 передовые части достигли реки и выше по течению, где остановились в ожидании подхода остальных.

У с. Яблонево солдаты 1-го батальона 64-го мотопехотного полка образовали плацдарм на р. Гнилая Оржица (район села Филипповичи). Только на этом участке в плен были захвачены около 500 красноармейцев.

В течение второй половины дня (17.09.1941 года) и в последующие сутки 16-я танковая дивизия постепенно подтягивалась к р. Оржица и Чумгак, блокируя своими войсками все пригодные для переправы места. Такая тактика позволила ей удерживать фронт протяженностью до 25 км от с. Онишки до с. Михайловка.

Ясно, что передовые отряды 16-й танковой дивизии появились и в других населенных пунктах на левом берегу реки Оржица, например – в Савинцах, Яблонево, Филипповичах, Круподеренцах и Белоусовке.

Немецкие дивизии имели время для концентрации основных сил и создания позиций для обороны. Получается, что у немцев будет не менее полутора суток для подтягивания основных сил и создания заслонов по рубежу реки Оржица. И то, это до прибытия в Оржицу генерала Костенко, основные же его боевые силы придут в Оржицу 19 и 20.09.1941 года. Сил и времени на создание сплошной обороны у 16-й танковой дивизии нет, потому что заслоны созданы только в местах наличия переправ: Круподеренцы, Савинцы, Денисовка и Онишки\Оржица.

Следует оговориться, что на 10.09, в начале наступления под Кременчугом, в 16-й танковой дивизии числилось 54 боеготовых танка.

Из истории создания 16-й танковой дивизии.

16-я танковая дивизия вермахта была сформирована в ноябре 1940 года на базе 16-й пехотной дивизии. Основные этапы боевого пути: 1940 – Румыния; 1941 – Балканы, Дубно, Житомир, участие в Уманском окружении, взятие Николаева, участие в Киевском окружении, Миус-фронт; 1942 – Миус-фронт, Харьков, Сталинград; 1943 – гибель в Сталинградском котле.

В 1941 году в состав 16-й танковой дивизии входили: один танковый полк (около 140 танков), одна стрелковая бригада (в составе двух стрелковых полков, по два батальона в полку), артиллерийский полк, истребительно-противотанковый дивизион, разведывательный, мотоциклетно-стрелковый, саперный батальон и батальон связи:

- Panzer-Regiment 2 (два батальона) – 2-й танковый полк
- Schützen-Brigade 16 – 16-я мотопехотная бригада (64-й и 79-й полки)
- Schützen-Regiment 64 – 64-й мотопехотный полк
- Schützen-Regiment 79 – 79-й мотопехотный полк

- Artillerie-Regiment 16 (три дивизиона) – 16-й артиллерийский полк
- Panzeijäger-Abteilung 16 – 16-й противотанковый батальон
- Aufklärungs-Abteilung 16 – 16-й разведывательный батальон
- Pionier-Bataillon 16 – 16-й саперный батальон
- Kradschützen-Bataillon 16 – 16-й мотоциклетный батальон
- Nachrichten-Abteilung 16 – 16-й батальон связи

С самого начала войны 16-й танковой дивизией командовал однорукий генерал-майор Ганс-Валентин Хубе.

В 1914 году, в одном из боев, командир взвода лейтенант Хубе (1890 г.р.) лишился руки. В 1934-м его назначили командиром экспериментального моторизованного батальона, а в 1935-м – комендантом Олимпийской деревни. За бои на Украине в 1941 году генерал-майор Хубе был награжден Рыцарским крестом (наступление под Старо-Константиновом 7 июля) и дубовыми листьями (взятие Николаева и Киевский котел). В январе 1943-го Хубе отказался выполнить приказ фюрера о вылете на самолете из Сталинградского котла. Был вывезен оттуда эсэсовцами из личной охраны Гитлера. Погиб в 1944 году в авиационной катастрофе. «Хубе завоевал себе репутацию устойчивого, справедливого, не лишённого здравого смысла командира... Солдаты называли его Человеком... Гитлер называл его одним из трех крупнейших командующих, которые дала Вторая мировая война».

Накануне похода на Советский Союз 2-й танковый полк 16-й тд состоял из 2 рот средних и 4 рот легких танков. Всего в полку насчитывалось 45 танков Р-II, 23 танка Р-III с 37-мм пушками, 48 танков Р-III с 50-мм пушками, 20 танков Р-IV и 10 бронированных командирских машин.

Во время отдыха, которое получил полк после взятия Николаева и перед окружением войск Юго-Западного фронта, боевые возможности полка были повышены за счет включения в боезапас для короткоствольных пушек танков Р-IV новых кумулятивных снарядов. Эти снаряды позволяли пробивать броню советских танков с дистанции 800 метров. Организационным улучшением полка было сведение всех танков Р-II в две роты.

Командиром 2-го танкового полка был оберст-лейтенант Рудольф Зикениус (Rudolf Sieckeniuss). После Первой мировой войны, которую он познал пехотным лейтенантом, Зикениус устроился на службу в полицию. В 1938-м возобновил службу в армии, сразу начав с танкового разведывательного батальона. Во второй половине войны (1943—1945) Зикениус командовал 16-й танковой и 263-й пехотной дивизиями, дослужился до генерал-майора и был убит в конце апреля 1945 года.

Батальоном средних танков во 2-м танковом полку 16-й танковой дивизии командовал Граф Гиацинт Штрахвиц (Graf Hyazinth Strachwitz).

Как проходит отступление частей 26-й А?

В ночь на 17 сентября 196 сд оставляет Днепровские рубежи.

Нам известны фамилии командиров – **Иосиф Иосифович Самсоненко** (1902 года рождения, в мае 1942 года пропадет без вести), начальник дивизионной разведки **капитан Никифор Зиновьевич Трунов** (1903 года рождения, будет убит в бою по ст. Красная 20 февраля 1944), командир батальона **Иван Макарович Шадский**, командиры полков **Михаил Иванович Головин** и **Николай Савельевич Кобжев**.

В рассказе «**Война. Украина. Елена Филипенко**», из фронтового письма:

«...Дорогая Нина! Сегодня – 17 сентября 1941 года, мы оставляем Днепр. Мы отступаем. Горькая правда такова – за четыре месяца войны мы обескровлены. Боеприпасов и еды осталось на три дня. Люди смертельно устали от неудач и значительных потерь. Не хватает бойцов и командиров. Украинские села мертвы. Люди пошли на восток. Туда война не добралась. По всему видно, что раньше здесь жили хорошо. Но фашистский выродок согнал людей с наси-

женных мест. Мы все еще не теряем надежду. Родина будет освобождена и люди с радостью вернутся домой...».

Первая ночь марша проходит спокойно. В арьергарде колонны идут саперы и минируют дороги на случай, если фашисты надумают ударить дивизии в спину.

На рассвете колонны дивизии были атакованы с воздуха авиацией противника, подразделение «юнкерсов» сбрасывает бомбы. Колонны рассыпаются по полю. Только несколько красноармейцев получают легкие осколочные ранения.

Очередная бомбежка достаточно необычная, из чрева самолетов:

«...посыпались НЕ бомбы, а... бороны, плуги, еще какие-то железки».

На подходе к селу Круподеренцы колонны дивизии натолкнулись на сильный артиллерийский и минометный заградительный огонь.

Не считая боестолкновений разведки 196 сд 16.09. 1941 года у Белоусовки, это первое соприкосновение с подразделениями 16 тд вермахта. Да и у Белоусовки, вероятнее всего, была передовая разведка этой же дивизии.

В надежде, что кольцо окружения неплотное, подразделения залегли, чтобы переждать артналет. Дивизия, развернувшись в боевые порядки, атаковала вражеские позиции, на острие атаки был батальон Ивана Макаровича Шадского. Бойцы его батальона ворвались в крайние хаты с. Круподеренцы и выбили оттуда гитлеровцев. Воспользовавшись паникой врага, И. М. Шадский продолжил его преследование и с ходу форсировал реку Чумгак.

Во время этого артналета начальник штаба 196 сд В. М. Шатилов, на пути к новому наблюдательного пункту, попадает в его эпицентр и получает непроникающее осколочное ранение в руку.

Подразделения все же не могут форсировать р. Чумгак (приток р. Оржица) и закрепляются на его высоком берегу. Место идеальное для обороны, но надо не обороняться, а прорывать вражеские позиции и выходить из окружения.

Следует учесть, что противоположный берег реки Чумгак, со стороны села Филипповичи, еще круче, а расстояние между ними до 400—600 м, к тому же – местность практически открытая, так что атаковать там – это положить всю дивизию, вернее то, что от нее осталось.

Командир 196 сд генерал К. Е. Куликов приказывает подготовить новую атаку, ударить правее с. Круподеренец, ворваться в с. Савинцы и завладеть в нем мостом через р. Оржица.

Атака назначается на 14—00, противник, очевидно, не дожидаясь такого напора, не оказывает достаточного сопротивления и подразделения 196 сд выбивают его из с. Савинцы и овладевают мостом. Опять на острие атаки батальон И. М. Шадского в поддержке бойцов 893 сп капитана Николая Савельевича Кобжева.

Достоверно известно, что в Савинцах находился на тот момент 16-й разведывательный батальон 16-й тд вермахта, усиленный артиллерией и танками.

Немцы, пришедшие в себя, бросают в контратаку свежие подразделения при поддержке нескольких танков, усиливают артиллерийский огонь.

Захват коридора на восток сорвался... подразделения 196 сд отходят (на основе воспоминаний начальника штаба 196 сд Василия Митрофановича Шатилова).

Следует отметить, что данная атака имела бы право на успех, если бы у генерала К.Е.Куликова было для ее осуществления больше сил и средств.

К моменту получения 26-й армией приказа на отход ее дивизии были широко охвачены с флангов войсками противника. К р. Сула ускоренным маршем выдвигались дивизии XI немецкого армейского корпуса, принадлежавшего к 17-й армии. Ему была поставлена задача занять оборону по реке, чтобы не допустить прорыва окружаемых войск в восточном направлении. Достигнув реки, дивизии убедились, что советских войск там еще нет. Поэтому уже

в 5.40 17 сентября началась переправа через р. Сула, чтобы максимально сузить фронт окружения.

Наряду с 16-й танковой дивизией одну из главных ролей в окружении и разгроме 26-й армии под с. Оржица довелось сыграть войскам XI армейского корпуса, с 13 сентября включенного в состав 1-й танковой группы. Еще 16 сентября его командир генерал пехоты Й. фон Кортцфляйш издал приказ на наступление. Предполагалось, что одновременно с XI корпусом в окружении советских войск за р. Сула примут участие силы 1-й и 2-й танковых групп.

В распоряжение командира 239-й дивизии поступали 6-е артиллерийское командование (командир генерал-майор Конради), 2-й дивизион 52-го артполка (две батареи тяжелых полевых гаубиц и батарея 100-мм орудий), 2-й дивизион 53-го артполка без одной батареи, штаб и два легких дивизиона 125-го артполка. Командир 239-й дивизии образовал из полученных средств поддержки три артиллерийские группы. Большая их часть концентрировалась на северном фланге, где предполагалось нанесение основного удара, и предназначалась для ликвидации потенциальной угрозы из района с. Лащевка. Южная группа должна была оказывать поддержку 372-му полку и обеспечивать правый фланг соединения. Для наведения наплавного моста и устройства подъездных путей придавались 125-й саперный и строительный батальоны.

После полуночи генерал Й. фон Кортцфляйш перенес свой командный пункт на высоту северо-восточнее с. Липовое. Еще 16 сентября в сумерках полки немецких дивизий заняли свои исходные районы, соблюдая все меры предосторожности. Благодаря им немцам удалось сохранить свои приготовления в тайне, и начавшееся утром наступление оказалось для советских войск полной неожиданностью.

Первым на противоположный берег в 6.30 переправился по мосту 327-й полк и сразу же завязал бой по овладению плацдармом. Его батальоны атаковали гряду высот, продвигаясь сравнительно быстро и без особых помех. Советские войска оказали слабое сопротивление, за исключением левого фланга, где завязались серьезные бои. Несмотря на противодействие, противник занял высоты, чем обеспечил переправу основных сил 239-й дивизии.

В 7.40 на противоположный берег переправился уже весь 372-й полк и немедленно занял свое место на правом фланге 327-го.

Подавляя сопротивление разрозненных и неорганизованных сил, оба полка к 11.00 вышли на линию: выс. 124, 0 – с. Осенки – дорога от с. Осенки на с. Степное. На этом этапе командир дивизии отдал приказ остановиться и приготовиться к обороне занятого плацдарма.

Под прикрытием камрадов приступил к переправе на западный берег р. Сула 1-й батальон 444-го полка. Ему предназначались позиции в районе с. Матвеевка, откуда он должен был прикрывать левый фланг соединения.

Успели перебраться на противоположный берег полностью 3-й и частично 1-й дивизионы 239-го артиллерийского полка. Однако попытка перебросить по мосту тяжелые тягачи со 100-мм орудиями на прицепе закончилась неудачей: два звена ушли под воду, и от переправы пришлось отказаться. Наплавной мост мог выдержать только пехоту и легкие орудия. Восстановить его саперы смогли только к 14.30 следующего дня.

Генерал Й. фон Кортцфляйш, оценив, что форсирование с. Липовое проходит успешно, отправился к с. Галицкое, чтобы лично проследить за ходом боя в этом месте. Во время поездки автомобиль командира корпуса попал под минометный обстрел, и генерал получил ранение. Его эвакуировали в лазарет г. Александрия, а командование принял на себя старший из командиров дивизии генерал-лейтенант Закс. Новым командиром 257-й дивизии стал генерал артиллерии Ангер.

Во второй половине дня оба выдвинутых вперед немецких пехотных полка подверглись атакам советской конницы. В бой вступила 37-я кавалерийская дивизия, намереваясь отбро-

силь противника с захваченного им плацдарма. Позиции 372-го полка были атакованы конным эскадроном, а позиции 327-го полка – силами более кавполка на всей протяженности фронта. Пулеметы, минометы и артиллерия обрекли все эти попытки на полный провал.

Вот где впервые упоминается действие подразделений 37-й кд. Численность атакующих составила, как минимум, более полка кавалерии. Следует также учесть, что кавалеристы 37-й кд понесли тут значительные потери.

Советское командование никак не воспользовалось сохранявшимся разрывом между боевыми порядками 239-й и наступавшей левее ее 24-й пехотными дивизиями, хотя тот достигал протяженности более одного километра. Во второй половине дня для его прикрытия спешно выдвинулся 3-й батальон 44-го полка, временно подчиненный командиру 327-го.

Однако наступившие сумерки не позволили полностью выполнить поставленную задачу. Всю ночь немцы провели в крайнем беспокойстве за свой левый фланг, за которым зияла огромная, никем не прикрытая брешь, но никаких действий со стороны Красной Армии не последовало.

В 7.30 выступила 257-я дивизия, атакуя двумя пехотными полками в первой линии. Противостоявшие ей советские войска быстро оправались после замешательства и стали оказывать все возрастающее сопротивление. Захватить с. Матвеевка и Клищинцы с ходу не получилось.

Только к 13.00 немецким солдатам удалось захватить с. Матвеевка и лес западнее от села, выбив оттуда оборонявших их красноармейцев. Вскоре можно было доложить о занятии гряды высот на западном берегу.

К 21.00 полки 257-й дивизии (слева – 477-й, справа – 457-й) вышли на рубеж: ручей в 1 км юго-восточнее с. Стебеляны – с. Кресты. Вслед за ними на западный берег переправился находившийся в резерве 466-й пехотный полк и с ходу вступил в бой. Один из его батальонов, в соответствии с приказом, атаковал от с. Клищинцы на юг, в сторону с. Жовнин. Этот маневр облегчил наступление 24-й пехотной дивизии.

В 20.30 в с. Галицкое закончилось сооружение 8-тонного военного моста.

Непосредственно от устья р. Сула и далее вдоль русла р. Днепр двигалась 24-я пехотная дивизия генерала Х. фон Теттау. Ее 31-й и 32-й пехотные полки переправились у с. Маляровка, застав советские части на западном берегу врасплох. Всю первую половину дня они сравнительно легко сбивали слабые заслоны встречавшихся на пути советских войск, рассчитывая дорогу основным силам.

В 9.00 они заняли высоты на западном берегу р. Сулы, разгромив занимавшую здесь оборону артиллерийскую часть. Трофеями противника стали 10 76-мм орудий, в плен попали 290 красноармейцев. Понесли первые потери и немцы.

После полудня передовая полковая группа (усиленный 32-й полк) заняла с. Жовнин и приступила к его зачистке. Переправившийся следом 31-й полк предпринял атаку в западном направлении через с. Головки на с. Лялинцы.

К 20.00 немцы уже заняли половину с. Лялинцы. Кроме собственной артиллерии поддержку им оказали также орудия 297-й дивизии. Быстро сгустившиеся сумерки не позволили противнику развить успех. Большая часть полка обосновалась на ночь в селе и вокруг него, а 1-й батальон пришлось выдвинуть к восточной опушке леса, раскинувшегося севернее, так как оттуда красноармейцы вели частый огонь.

Разведывательный батальон, выйдя из с. Морозовка, зачистил с. Воинская Гребля и сформировал здесь крайний левый фланг обороны 24-й дивизии.

Прибывшая тем временем 297-я дивизия взяла на себя охрану мостов в г. Кременчуг, высвободив тем самым батальоны 102-го полка для их переброски на плацдарм.

Общее впечатление о действиях XI корпуса, сложившееся у его командования к концу дня: переправа прошла успешно и легче, чем предполагалось.

Оборонявшаяся на западном берегу 37-я кавалерийская дивизия потерпела поражение и теперь вынуждена отступать в северо-западном направлении.

На следующий день генерал Закс запланировал продолжение наступления с выходом на линию: с. Большая Буромка – с. Старый Коврай – выс. 136, 0 – выс. 131, 0 (к северо-западу от с. Еремеевка) – с. Еремеевка. В 9.00 через мост у с. Липовое должна была переправиться 125-я дивизия, которой отводился участок правее 239-й дивизии. Теперь XI корпус получал возможность наступать сразу тремя соединениями.

Наступление войск XXXV армейского корпуса развивалось планомерно, солдаты уверенно продвигались в установленных приказами направлениях, по-прежнему почти не встречая сопротивления. Перед соединениями стояла задача осуществлять преследование отходивших советских войск в юго-восточном направлении к линии с. Тепловка – г. Пирятин.

На 18 сентября перед соединениями XXXV корпуса стояла главная задача: взятие г. Пирятин и Прилуки. В этой операции предполагалось задействовать 293-ю дивизию, которой поручалось в первую очередь захватить переправы через р. Удай. В этом районе предполагалось установить контакт с передовыми частями 1-й танковой группы. Перед 45-й дивизией стояла задача по овладению г. Прилуки. В дальнейшем, если позволит ситуация, соединение могло продвинуться вплоть до линии с. Махновка – Журавка.

Ф. Гальдер: (из дневника) 17 сентября 1941 (среда), 88-й день войны.

«Обстановка на фронте: соединения противника в кольце восточнее Киева безрезультатно пытаются прорвать оцепление. На севере в результате глубокого прорыва 51-го армейского корпуса соединения продолжают расчленять противника за пределами и внутри кольца...

Обстановка вечером: на юге ситуация складывается очень хорошо. Воздействия противника на внешнем фронте окружения не наблюдается».

18 СЕНТЯБРЯ

Особенно трагически сложился выход из окружения войск 26-й армии, которая оказалась западнее прорыва танковой группы Э. фон Клейста. На момент образования Киевского котла армия состояла из шести стрелковых (301-й, 159-й, 264-й, 196-й, 116-й, 97-й) и одной кавалерийской (37-й в составе которой – 140, 143 и 145-й кавалерийские полки, 37 отдельный эскадрон химзащиты) дивизий. Переданные с 38-й армии 97-я сд и 37-я кд заняли оборону на западном берегу р. Сулы, остальные располагались вдоль Днепра.

Противник избрал тактику молота и наковальни. Пехотные дивизии 17-й армии вермахта постепенно оттесняли 26-ю армию в направлении 16-й танковой и 25-й моторизованной дивизий.

Командующий 26-й армией **генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко**, получив во второй половине ночи на 18 сентября приказ Кирпоноса об отступлении, пригласил к себе **членов Военного совета Д. Е. Колесникова и В. С. Бутырина** (бывшего секретаря Николаевского обкома КП (б) У), начальника штаба **полковника И. С. Варенникова**, начальника артиллерии **полковника П. С. Семенова**, начальника политотдела **полкового комиссара И. Зако-воротного** и начальника Особого отдела **П. В. Ватиса**.

После короткого обсуждения положения Ф. Я. Костенко принял решение отвести войска под прикрытием арьергардов на реку Оржица и с этого рубежа организовать прорыв в направлении на Лубны, навстречу наступающему с востока 5-м кавкорпусу генерала Камкова и танковым бригадам 38-й армии. Отдав приказ дивизиям, командарм со своим штабом отправился в городок Оржица, куда стягивались все войска.

Вероятнее всего, что дивизиями прорыва были выбраны 196 сд и 116 сд, а в арьергарде должны были быть 159-я сд и 264-я сд.

Войска двумя колоннами, прикрыв отход арьергардом, выступили на восток, из района южнее Киева в сторону Лубен, обозначив промежуточным рубежом и местом встречи колонн

городок Оржица на реке с тем же названием. Армия, отбиваясь от врага, который наседал, начала упорно продвигаться в район Оржицы, к месту слияния рек Оржица и Сула.

Понятие «двумя колоннами» достаточно относительное. Имеются ввиду, вероятнее всего, два основных направления, по которым должны были двигаться войска (авт.).

Из доклада начальника штаба главного командования Юго-Западного направления оперативному управлению Генерального штаба об оперативной обстановке на фронте направления (18 сентября 1941г):

«Прошу вас доложить т. Василевскому, что сегодня от Кирпоноса прилетел на самолете **полковник Рязанов**. На карте полковник изобразил примерно следующее:

Противник проник в районы следующих пунктов: Лубны, Лазорки (20 км к северо-западу от Лубен), Яблонево (30 км к юго-западу от Лубен), Бубны (30 км к юго-западу от Лубен), Башенки (40 км к юго-западу от Лубен), Варва (50 км северо-запад от Лубен), Грабаровка (20 км к юго-западу от Пирятина), Бубновщина (25 км к юго-западу от Пирятина), Крячковка (15 км к юго-западу от Пирятина).

По докладу полковника Рязанова кольцо вокруг Пирятина сжимается быстрым темпом и, якобы, когда он летел в 4:00 сегодня район, непосредственно прилегающей к Пирятину, обстреливали минометным огнем. Пирятин забит беспорядочными толпами людей.

Далее, по данным Рязанова, противник проник в Прилуки, Пасковщина (30 км к юго-западу от Прилук), Нв. Басань (35 км к юго-западу от Яготина), Бобрик (45 км к северо-востоку на Киев, Яготин).

По словам полковника Рязанова военсовет Юго-Западного фронта организует удар в восточном направлении. У меня все».

В Оржицком котле против 5 советских дивизий (97, 116, 159, 196 и 264 стрелковые) действовали 6,5 немецких (24, 125, 239, 257, 262, 293 пехотные и усиленный полк 25 моторизованной дивизии).

Оржица – большое село, раскинувшееся на берегу реки того же названия. Один берег этой реки, со стороны самого городка, высокий и крутой, а другой, со стороны Лубен – низменный и болотистый. Болота, губительные и непроходимые, особенно во время осенних дождей, простираются далеко на восток, и единственный путь здесь пролегал по гребню широкой и длинной земляной дамбы, построенной как мост через эти болота. Вся масса войск, сдавленных тугой удавкой вражеского окружения, со своим транспортом и техникой устремилась сюда, на дамбу, надеясь вырваться из кольца, но путь этот практически был уже закрыт.

Вспомним, что еще в 11—00 17.09.1941 года передовые отряды 16 тд вермахта достигли с. Оржица со стороны Лубен и захватили село Онишки и заблокировали выход из плотины (авт.).

Село Оржица, с военной точки зрения, – подлая ловушка. При удачной ситуации наступающая сторона может блокировать в ней отступающие войска противника и, при панике, добиться быстрого и полного их разгрома, но если они сохраняют боевой порядок и дисциплину, проявят мужество и стойкость, то могут превратить ее в крепость.

Конфигурация полуострова, на котором выросло село Оржица, напоминает кувшин, суженый посередине. В расширенной части, которая упирается в русло р. Оржицы – большое количество улиц и переулков, в центре – небольшой парк, от него на юг тянется главная улица, которая заканчивается площадью с прудом.

В разных ситуациях Оржица, для загнанных в нее войск, может стать или ловушкой, или болотно – степной крепостью, где гарнизон будет биться до последнего. Права степная улица и Черкасская дорога – входные ворота в эту крепость, а дорога на северо-восток, в Лубны, с небольшим деревянным мостом через р. Оржица с высокой дамбой – единственные выходные ворота.

В достаточной ли степени Оржица и прилегающие населенные пункты были подготовлены к возможной обороне? Рассматривался ли вообще вариант возможности ведения боевых действий в черте города? (авт.)

Как вспоминает полковник Советской Армии **П. Я. Верпета** (уроженец одного из близлежащих к Оржице сел – Остаповки) о проведенных для обороны Оржицы и ее региона подготовительных работах:

«Оборудование укреплений. Противотанковый ров отрыли. Но где? Для чего он там нужен? Поясняю. Река Оржица течет с запада на восток. По обоим берегам болотистая и непроходимая местность шириной от 500 до 1000 м. Наше (где жил) с. Остаповка, дальше на запад села Золотухи, Денисовка и т.д., расположенные севернее реки и болот естественно. Наступление немцев ожидалось, конечно же, с запада. Или если обойдут, то к нам они придут с севера или востока. Исходя из этого, ров противотанковый необходимо было отрыть от болота к северу. Собственно для подобного решения слишком больших военных знаний и не нужно. И так все очевидно. И, тем не менее, отрыли в с. Золотухи и в пгт. Оржица (то есть с запада на восток) вдоль болота».

Маленький украинский городок до отказа был забит машинами и обозами. Приказав небольшому отряду И. Алексеева (направлен в 26 А командованием Юго-Западного фронта, бывший командир 6 ск) прикрыть город, командующий приступил к созданию ударной группировки. Сделать это без средств связи было трудным делом. К тому же надо было постоянно заботиться об открытых флангах армии, на которые с севера давили войска Гудериана, а с юга – части 17-й немецкой армии.

Кто такой генерал-майор И. И. Алексеев? Почему именно ему доверено организовать оборону города Оржица? Какие силы и средства для выполнения этого приказа он имел? В доступных источниках информации мало (известно о 94 пограничном отряде, 6 полке НКВД, стрелковом полке (каком?), но какая численность неизвестно, тем более, что стрелковый полк в Лубны так и не добрался). Дальнейшие события укажут на то, что выбор Ф. Я. Костенко был, мягко говоря, не очень удачным (авт.).

Когда началась война, командир 6-го ск генерал И.И.Алексеев боевыми действиями не руководил, так как находился в госпитале по болезни в г. Харькове. В официальных источниках о нем говорится следующее:

«После выздоровления с 15 по 18 сентября командовал Лубенской оперативной группой Юго-Западного фронта.

«Командуя Лубенской оперативной группой, – писал в своей автобиографии в декабре 1952 генерал-майор И. И. Алексеев, – с 18 сентября по 1 октября 1941 находился в окружении немецких войск в районе г. Лубны. При выходе из окружения попал в плен (переодетый в гражданскую одежду)»

А теперь – данные из рапорта самого генерала Алексеева.

«Главкому Юго-Западного Направления Маршалу Советского Союза тов. Тимошенко.

Р а п о р т. 10 сентября я вернулся из Харьковского военного госпиталя в штаб 6 ск (Песчаное). К моменту моего прибытия должность моя должность (командира 6 ск) была занята генерал-майором Лопатиным.

Через штаб 26 армии мне было приказано генерал-полковником Кирпоносом временно остаться в распоряжении командующего 26 Армии. 15 сентября распоряжением командующего 26 армии мне приказано принять командование частями Лубенской группировки (94 пограничного отряда, 6 полка НКВД, стрелкового полка) на участке Лукомье – Лубны.

16 сентября мной было организовано оборону по р. Сула, фронтом на восток, а на 17 сентября запланировано наступление с целью выбить противника из Лубен, Лукомье.

17 сентября в 7.00 противник внезапно большими моточастями, танками, атаковал части Лубенской группировки из направлений Лубны и Лукомье, быстро прорвал и пошел в направлении Пирятин и Черевки...

На конец 17 сентября я с оперативной группой оказался окруженным. 17, 18 и 19 сентября установить связь с частями Лубенской группировки и 26 армией мне не удалось.

В течение 8 – 10 дней пройти на восток через р. Сула и на запад через р. Оржица мне не удалось.

В конце сентября месяца с помощью рыбака – колхозника мне удалось переправиться через р. Сула в районе села Березняки, откуда я отправился на Полтаву – Харьков с целью выйти на свои части. На станции Божково я был задержан немецкой охраной и, как не имеющий документов, отправлен в лагерь военнопленных в г. Полтава, откуда был направлен в такой же лагерь Кременчуг.

В лагере я пробыл до 15 суток. При подходе к Кременчугу я бежал и снова попытался выйти на свои части. Следовал по маршруту Кременчуг, Полтава, Харьков. При второй попытке возвращения к своим частям, мне удалось благополучно дойти до ст. Рыково, пройти артиллерийские позиции и боевые порядки немецкой пехоты в районе ст. Новая Бавария и выйти на боевые порядки 216 сд в районе Холодная Гора.

23 октября во второй половине дня я благополучно вышел на свои части и 26 октября прибыл в штаб Юго-Западного Фронта.

В течение 37 суток я прошел не менее 600 км. пешим порядком, 15 суток находился в исключительно плохих бытовых условиях в лагерях военнопленных, неоднократно был избит при допросах, в результате чего сильно ослаб и потерял значительную часть своего здоровья.

Когда возможно, то прошу лично меня принять и предоставить мне соответствующее лечение и отдых для восстановления сил и здоровья с тем, чтобы в дальнейшем мог принести на службе пользу Армии и нашей Родины.

Бывший командир 6 СК Генерал-майор Алексеев. 27 октября 1941 г.».

А теперь вопрос, так был ли генерал Алексеев в Оржице 18.09.1941 года, где, казалось бы, получил приказ от генерала Ф. Я. Костенко организовать здесь оборону (авт)? Нет, в этот день его там не было. Причем интересная ситуация складывается. Командарм-26 Костенко еще 16 сентября принимает решение о создании участка обороны в районе г. Лубны и захвате переправ через р. Оржица в Круподеренцах (96-я сд) и в Денисовке (116-я сд). Следовательно пути возможного отхода 26-й армии им просчитывались и риски учитывались, в т.ч. важность Лубенского направления отхода.

Необходимо также учитывать информацию из докладной записки начальника войск НКВД по охране тыла Юго-Западного фронта **полковника Рогатина** от 7 октября 1941 года, что —

«во время боя за переправу в с. Сенча активную помощь оказал мне генерал-майор Алексеев».

А о том ли самом генерале Алексееве идет речь?

Для справки – бой за Сенчанскую переправу был 20 сентября 1941 (две атаки, ни одна из которых успехом не увенчалась, после чего подразделение Рогатина отошло в район села Лучки, где и было организовано переправу через р. Сулу, которая действовала 21—22.09.1941 года). А до этого был бой за переправу через реку Многу, еще 19 сентября 1941 года, в котором принимал участие генерал Алексеев.

Из книги **Н. Х. Баграмяна «Так начиналась война»** (о выходе из окружения 19—22.09.41р) узнаем:

«Перед рассветом наш отряд с ходу ворвался в Сенчу в западной части села. Немцев там не было. Но стоило нам приблизиться к мосту, как с того берега ударил ураганный пулеметный

и артиллерийско-минометный огонь. Пришлось залечь. Советуюсь с Алексеевым и Рогатиным. Решаем атаковать. Надо захватить переправу и все село, и удерживать их до прихода колонны штаба фронта. Огонь не утихает, но бойцы по моей команде поднимаются, вбегают на мост. В это время появились немецкие танки. Стреляя из пушек и пулеметов, они бросились на наш берег. А у нас не было даже бутылок с горючей смесью. Пришлось оставить село. Стало ясно, что нам его не взять. Попробуем обойти.

Разбиваем отряд на две части. Генерал Алексеев повел свою группу на север, а я – на юг, к небольшой деревни Лучки. Обе группы подготовят подручные средства для переправы, и до утра будут ждать подхода колонны штаба».

Если речь идет об одном и том же генерале И. И. Алексееве, то сможет ли он потом, как свидетельствует большинство источников, организовывать оборону Оржицы? Конечно – не сможет. Он получил приказ от Ф. Я. Костенко не 18.09., а 16.09.1941 года, а организация обороны Оржицы свелась к неудачному наступлению на Лубны, захваченные 16 тд генерала Хубе, с последующим рассеиванием т.н. «Лубенской группировки», или «небольшого отряда» генерала Алескеева (авт).

Пограничники выходили из окружения несколькими группами, причем одна из них – действительно оказалась в Оржице, где взяла под охрану штаб 26 армии.

Но вот вопрос, были ли это пограничники, прорвавшиеся из-под Лубен, или это часть 94-го пограничного полка, которая находилась в Драбове и потом отошла к Оржице, либо вообще отдельное подразделение, постоянно охраняющее штаб?

Пути отступления 26-й армии были отрезаны врагом по р. Оржица, начались жестокие оборонительные бои в окружении в прямоугольнике на территории Оржицкого района. Не хватало боеприпасов и горючего, тылы были обременены ранеными.

На противоположном берегу реки Оржица немцы рыли траншеи и закапывали в землю танки и бронемашин: они готовились к будущему прорыву советских войск.

Причем, как мы понимаем, делают они это уже на протяжении суток.

Как вспоминала **Колесник Галина Васильевна**, что в сентябре 1941 года жила с семьей в с. Онишки, а было ей тогда восемь лет – их маму отвезли за город Драбов копать окопы; они с братом остались в доме одни, да и в селе родственников у них не было. А тут началось что-то страшное, кругом все грохочет, горит. Грохот подбегает все ближе и ближе к их дому. Слышат, на их дворе, шум, чириканье какое-то, а не слова. Речь не их. Брат говорит, это немцы. Вдруг ломятся в двери, бьют в них. Выбили, ввалились в комнату, где сидели дети. Кричат по-своему: «Киндык, киндык». Схватили их за шкурку и выбросили из дома. Видят, на их дворе полно машин и танков. Их дом стоял крайний на холме, и они (немцы) чуть не к порогу приволокли пушки с длинными стволами, установили их у входа и направили прямо на город Оржицу.

Дети спрятались у какого-то дедушки через дом от своего в погребе, где уже внизу было полно детей и стариков, друг на друге сидели. Только залезли в погреб, как началось. Трещит, гремит, сверкает. Страшно стало. Это немцы стреляли по Оржице, а из Оржицы наши палили по немцам.

Оказалось, немцы захватили Оржицу в кольцо, а в село Онишки (немцы) заехали, чтобы выйти навстречу нашим войскам. Здесь проходила магистраль, а рядом протекала река с болотами. Никуда нашим солдатам деваться, только идти по магистрали. Оржица горела. Над рекой и в болоте, лежали горы машин, танков, лошадей и людей. Люди тонули в трясине, кричали, звали: «Братья, сестры! Помогите!». Да, сколько дней не помнит, они находились.

Получается, что в Онишках были сосредоточены пехотные (79-й пп), танковые и артиллерийские подразделения 16 тд вермахта (авт).

Наталья Павловна Кокошко (Талочка) вспоминает, что на подступах к Оржице их грузовик еще раз чихнул и заглох окончательно. Радиатор был пробит, и двигатель заклинило.

Далее пришлось идти пешком. Собственно, дальше ехать было некуда. Повсюду на полях как попало стояли брошенные машины. Люди, в основном военные, шли в ближайший лес.

Бывший военфельдшер 3 дивизиона 707 гап **Самохвалов Василий Григорьевич** вспоминал, что дня за три до взятия его в плен он видел, как в районе с. Оржица стояли два самолета У-2, а около них два генерал-майора с офицерами, под руководством которых уничтожались (сжигались) штабные документы.

Из воспоминаний **Михина Василия Степановича** – в годы войны старшего инженера, инженер-майора батальона аэродромного обслуживания при 649-й подвижной авиаремонтной базе узнаем, что он, в ту пору инженер авиаполка, получил приказ отремонтировать оставленные на аэродроме с. Оржица неисправные самолеты и на них перелететь на восток. С ним было четыре механика и четыре летчика, которые и должны были перегнать отремонтированные ими самолеты. К сожалению, без ремонтных средств они так и не смогли быстро восстановить материальную часть. То, что оказались в кольце, они узнали только тогда, когда немцы стали обстреливать аэродром.

Михин В. С., как старший команды, принял решение сжечь самолеты и идти. С группой восемь человек он пришел в село Оржица, в котором в тот момент было очень большое количество самых разных советских войск.

Вот одно из утверждений о событиях 18 сентября 1941 в Оржице, что переходит из одного источника информации к другому:

«На 18 сентября при поддержке авиации танковый клин немецких войск прорвал оборону на южной окраине Оржицы. Враг прорвался с Лукомья, выбил красноармейцев с высот в районе Нижнего Иржавца и своевременно достиг р. Оржица в районе с. Остаповки и с. Золотухи. Здесь были разбиты полки 124 стрелковой дивизии. Защитников становилось меньше. Погибли командиры полковник Ф.В.Мальцев, начальник политотдела комиссар Ф.Г.Медведев, начальник штаба подполковник В.И.Угорич, комиссар Чечельницкий, начальник политотдела кавгруппы Герой Советского Союза Т. П. Бумажков (хотя имеющиеся документы упорно свидетельствуют о гибели старшего политрука Бумажкова Т. П. в ноябре 1941 года, причем считается он комиссаром партизанского отряда в Белоруссии) заместитель прокурора армии подполковник Д. П. Лозовой и другие».

Очевидно, что эти командиры погибли в Оржице, ее окрестностях и в пределах Оржицкого района, но в разное время (в пределах 18.09—26.09.1941 года) и в разных местах (авт.).

Относительно 124 сд – из официальных источников известно, что до 8 сентября части 124 сд, отступив за Десну, оборонялись на левом берегу реки, с 9 сентября ведя сдерживающие бои с немецкими войсками, переправились через Десну, отходя по направлению Горбачи (севернее Козелец) – Иржавец (между Козельцом и Нежином). С 13 сентября 124 сд значится уже в составе 31ск 5-й армии, отходит в Нежин.

15 сентября Юго-Западный фронт был окружен. Остатки 5-й армии отошли в Пирятин, а затем в Прилуки где были разгромлены 19—23 сентября, вместе с ними погибла большая часть 124-й стрелковой дивизии. Однако командир дивизии полковник Новиков вместе с остатками части вышел из окружения по маршруту Прилуки-Гадяч-Оболонь.

Кавгруппа (32-я кд, 47-я кд, 43-я кд), к моменту окружения входила в состав 21 армии, причем, части 43-й кд (35, 38 и 40 кавалерийский полк, 31 бронетанковый эскадрон, боевой период 19.7.41—22.5.42, расформирована), имея самостоятельную задачу, находились до 10.09.41 отдельно. 47-я кд – в составе 36-го, 39-го и 41-го кавалерийских полков. По воспоминаниям комиссара группы **Языковича** – «Вышло 600 человек».

В кавгруппу входили кавалерийские дивизии т.н. «легкого типа» численностью 3000 человек каждая (на момент формирования). Их состав и вооружение, боевые возможности: в дивизию «легкого типа» входили 3 полка и эскадрон химзащиты; полк имел 4 сабельных

и 1 пулеметный эскадрон, полковую батарею противотанковых орудий – четыре 76 мм и два 45 мм. Причем следует учесть, что дивизии уже понесли значительные потери. Однако, необходимо отметить, что по немецким наблюдениям кавдивизии среди частей Красной Армии 41-го, вместе с пограничниками, выделялись грамотными действиями на поле боя, благодаря хорошей обученности как офицеров, так и солдат.

Из известного нам состав штаба кавгруппы – комиссаром группы был секретарь Полесского обкома партии **т. Якович**; начальником штаба – **подполковник Торгашев**, начальником оперативного отдела – **полковник Ильин**, заместителем начальника оперативного отдела – **майор Андреев**, начальник разведывательного отдела – капитан Щербинка, помощник начальника разведывательного отдела – **капитан Сидоренко**, начальник связи **майор Зарицкий**, заместитель начальника связи капитан Джавагли, начальник шифровального отдела **старший лейтенант Безручко**, начальник административно хозяйственного отдела **старший политрук Борисенко**, комендант – **лейтенант Селеваньев**, порученец – **лейтенант Задера**, лекпом – **военфельдшер Новинский**.

В районе г. Пирятин, с. Майоршина 18.09.41 делегат связи при штабе 21 армии **капитан Ефремов** прибыл из штаба 21 армии с приказом, что группа вышла из подчинения 21 армии и подчиняется непосредственно штабу фронта. Одновременно помощник начальника связи армии передал указание, что частям 21 армии даются указания о движении частей армии через с. Марьяновка на с. Белоусовка и далее на восток с целью выхода из окружения.

Не найдя к ночи 18.09.41 ни штаба фронта, ни штаба армии А. Б. Борисов (на тот момент – командир кавгруппы) решил провести группу по указанному направлению для других частей 21 армии и вывел ее на с. Белоусовка, отбросив с дороги незначительные части автоматчиков, выдвинувшихся из района с. Григоровка.

Не сохранились полные списки личного состава кавалерийских дивизий, участвовавших в рейде по территории Оржицкого района, большинство погибших значатся как павшие безвестно, нет мемориала, который увековечивает подвиг храбрых кавалеристов на оржицкой земле, нет в живых и самих участников тех героических событий. Безымянные братские могилы надежно хранят свои секреты, но человеческая память жива.

Мы знаем, что 32-я кд **полковника О. И. Бацкалевича** являлась кадровой и прибыла из Крыма, а 43-я и 47-я кд были сформированы в июле 1941 года на Дону и Кубани. Командиром 43-й кавалерийской дивизии 6 июля был назначен **комбриг Иван Кузьмич Кузьмин**. Начальником штаба – **подполковник Николай Васильевич Чудаков**. Командиром 47-й кавалерийской дивизии с 6 июля по 25 ноября 1941 года был **генерал-майор Андрей Никанорович Сидельников**. Начальником штаба был назначен **подполковник Михаил Федорович Торгашов**.

Комдив Борисов А.Б – человек необычайной храбрости. Почти через год, во время неудачного контрнаступления под Харьковом (1942 г) после контрударов гитлеровцев и окружения войск фронта (350 000 человек) ему, опять командиру кавгруппы, пришлось отходить с боями по вражеским тылам более двухсот километров. Всего из окружения вышло только 22 000 человек, но в их числе – большое количество кавалеристов Борисова (данные из разных источников различаются, но большинство говорит, что число личного состава выведенного Борисовым из окружения было около 4 тыс. человек). Сам же он, к сожалению, уже у линии фронта был серьезно ранен и после неравного боя вместе с несколькими кавалеристами попал в плен. Уже после войны от одного из них стало известно, что на первом же допросе он гордо сказал:

«Я – еврей, хоть и команду казаками. Плевать я хотел на вас. Жаль только, что не доживу до нашей победы». Его расстреляли тут же.

«Такого бесстрашного и справедливого командира, как Борисов, добавил рассказчик, – я никогда не видел. Помню его до сих пор».

В с. Белоусовке А. Б. Борисов присоединил к себе 43 кд с командиром дивизии **полковником Селюковым** (всего около 300 сабель – из 3-х тысяч, а потери по 47-й и 32-й кд не уточняются), находившуюся там. Здесь кавгруппа вошла в подчинение 26 армии. От Военного совета 26 армии Борисов получил задание защищать с. Белоусовку до выхода стрелковых соединений на исходное положение для прорыва.

Очевидно, что появление кавгруппы было для генерала Ф. Я. Костенка подарком судьбы, как покажет развитие дальнейших событий. Несомненным является и тот факт, что сдерживание кавгруппой противника в с. Белоусовке оттянуло на себя часть сил противника и дало шанс 196 сд продолжить отход, но не помогло 264-й и 159 сд (разгромлены под Кандибовкой) и 116 сд (потеряла значительную часть сил при бесплодных попытках прорваться через реку Оржица в Денисовке, другая ее часть – попала в плен) (авт).

Для справки, состав 264-й сд ((командир дивизии – Бондарь Иван Григорьевич (10.07.1941 – 19.09.1941), полковник):

**1056, 1058 и 1060 стрелковый полк,
825 артиллерийский полк,
339 отдельный истребительно-противотанковый дивизион,
584 отдельный зенитный артиллерийский дивизион,
358 разведывательный батальон,
594 саперный батальон,
759 отдельный батальон связи,
343 медико-санитарный батальон,
392 отдельная рота химзащиты,
729 автотранспортный батальон,
385 полевой автохлебозавод,
854 полевая касса Госбанка.**

Вот история одного из командиров: Богородицкий Константин Николаевич 1902 г.р. начальник артиллерии 264 сд (I ф), подполковник. Пропал без вести в сентябре 1941 года. Источник – ЦАМО: ф. 33, оп. 11458, д. 189, л. 9.

Цитата из рассказа Смирнова:

«К счастью, таких тяжелораненых было немного. Среди них особенно выделялся подполковник Константин Николаевич Богородицкий, единственный командир, содержащийся в госпитале легально (госпиталь в Еремеевке). В свое время он наотрез отказался снять гимнастерку со знаками различия подполковника и изменить фамилию. Силину с трудом удалось добиться разрешения немцев, чтобы оставить его на лечение. Они позволили только потому, что знали, как тяжело искалечен этот человек. У Богородицкого была ампутирована правая нога, выбит один глаз, поврежден позвоночник, он испытывал тяжелые физические страдания, но при этом сохранял ясность ума, бодрость духа и удивительную веру в то, что в конце концов враг будет разбит. Гимнастерка его с тремя шпалами на петлицах всегда была на нем или висела на спинке кровати у изголовья. Этот офицер пользовался большим уважением и у раненых и у врачей, сам Силин нередко приходил советоваться к нему, и они подолгу вполголоса разговаривали между собой. Видимо, советы подполковника Богородицкого, старого коммуниста, опытного командира, много повидавшего человека, не раз помогали Силину в его нелегкой работе и ловкой игре с немцами.

Восьмого марта Мария Рубачева и еще одна девушка из села отправились пешком в Кременчуг, собрав кое-какие продукты, – они надеялась повидать Силина и его товарищей. Они отыскиали в лагере знакомого полицая, и тот за бутылку водки сообщил им, что Силин накануне был расстрелян, и показал даже место, где это произошло. Вместе с ним ту же участь

разделили врачи Портнов и Геккер, подполковник Константин Богородицкий и многие другие его товарищи. С этими печальными вестями девушки вернулись назад в Еремеевку.»

Командование 196 сд, понимая свое сложное положение, решает найти брод через р. Оржица. В ночь на 18 сентября снаряжается разведывательная группа по 20 человек от каждого полка, в общей сложности 60 отважных, самых опытных бойцов, командование над которыми генерал К. Е. Куликов приказывает взять майору В. М. Шатилову и капитану Трунову (**Трунов Никифор Зиновьевич, в 1903 году рождения, попадет позже в плен, будет освобожден, а погибнет в составе 6 отдельного штурмового батальона 20.02.1944 года**).

После осторожного, почти пятикилометрового марша разведчики выводят группу к броду (маршрут заранее был уточнен благодаря рассказам старого колхозника из с. Савинцы). Река оказалась достаточно глубокой, почти по грудь. Но у брода оказались немецкие бронемашины, что маневрировали, пытаясь отрезать разведгруппу от брода, очевидно, ждали ее появления, что свидетельствовало о возможности измены.

Группа переправилась обратно, но гитлеровцы пошли в атаку с автоматным огнем. Пришлось открыть огонь и применить гранаты. Отделение из 8 человек во главе с сержантом-разведчиком залегло, а на подступах к ним фашистов, бойцы неожиданно метнули гранаты. На мгновение наступление немцев было остановлено, этого было достаточно, чтобы разведгруппа переправилась обратно через р. Оржица и спустилась в глубокую балку.

Вот отрывок из рассказа **«Война. Украина. Елены Филипенко. Страница Памяти Великой Войны»**, который ярко иллюстрирует эти же события:

«— Леха, дай закурить! — Сапер Степан Курский присел рядом с худошавым связистом Лехой, сматывающим провод.

— А свой чего, выкурил? — Открывая пачку «Беломорканала», спросил Леха.

— Отсырели, — буркнул Степан и, разворачивая протянутую сигарету, добавил. — Целый день брод искали. Намокли насквозь.

— Нашли? — Закуривая и садясь рядом, спросил Леха.

— Да. Из Савинец дед помог. В лесу встретился. Если бы не он, купались бы в холодной воде всю ночь. Говорит: «Да что вы, ребята, там воды — курам по щиколотку», а на середине реки оказалось воды по грудь. Табачок сразу промок. Но самое интересное потом произошло, — жадно делая последнюю затяжку, продолжил Степан, надеясь «стрельнуть» еще одну сигарету у земляка. Леха заинтересованно посмотрел на рассказчика и вынул сигарету из пачки.

— На, кури.

— Спасибо, брат, — ответил Степан, видя в Лехе отчаянного слушателя.

— Ну? — Земляк выразил нетерпение.

— Так вот, шли мы тише, чем плышет рыба. Вошли в лес. Темень. Здесь месяц выскочил и мы на землю — фрицы на бронемашинах! Предупредил их кто-то о нашей переправе. Обычно ночью эти гады спят.

— Что же получается? Дед сдал?

— Не похоже. У него два сына воюют, старший в Бресте — артиллеристом, младший на Черном море.

— Может, посекретничал с кем из местных? — Спросил Леха.

— Может. Кому-то из односельчан рассказал, что солдаты брод ищут. Оборотней хватает. Им Родина — мачеха. За тридцать сребреников готовы перед фрицами ползать.

— С кулаков кто?

— Неважно. Только советским людям бить в спину им не стыдно. Предатели — сузив глаза, сплюнул он. — Максим Горький сказал: «Даже вошь тифозную оскорбляет сравнение с предателем», а этим — трын-трава.

— А дальше что? — Спрашивал Леха.

– Накрыли нас огнем. Вросли мы в землю, а после забросали в ответ гранатами и обратно. Или (нам) не вырваться, – Степан, опустив голову, замолчал.

– Думаешь – не выйдем? А я верю, что прорвемся! С нами генерал Куликов в окружении. Мне боец рассказал, что Константин Ефимович – буденовец, герой Гражданской войны. Храбрости на десятерых хватит, сможет вывести дивизию из кольца! – взорвался Леха, не зная, что генерала Куликова вскоре тяжело ранят. Он попадет в плен и его отправят в финский лагерь для военнопленных, а его шофера расстреляют на месте».

Эти факты полностью отрицают утверждение, встречающееся в ряде источников, что вроде бы 196 сд перешла р. Оржица через брод возле с. Савинцы и продолжила дальше свой путь по выходу из окружения. Да, дивизия перейдет р. Оржица, но это случится значительно позже по времени и ниже по течению, возле села Онишки (авт).

Майор В. М. Шатилов доложил генералу К. Е. Куликову, который находился на окраине с. Прохоровка, о результатах ночной вылазки разведгруппы. Именно это село накануне бомбили шесть «юнкерсов». На предложение прорывать кольцо окружения силами собранных в кулак нескольких дивизий, генерал К. Е. Куликов ответил, что он также такого мнения и попытается убедить в этом командира корпуса генерала А. И. Лопатина.

Машина, на которой К. Е. Куликов вместе с шофером отправился в штаб А. И. Лопатина, заехала в деревню занятую немцами. До 50 гитлеровцев, находившихся в селе, устроили настоящую охоту на штабную эмку. Куликов отстреливался из пистолета, был несколько раз ранен, и машина проскочила бы, если бы фашисты не открыли огонь по автомобильным скатам. Они изрешетили покрышки, и машина остановилась. В бессознательном состоянии, истекающего кровью Куликова было взято в плен. Шофера фашисты расстреляли на месте. В дальнейшем Куликов находился в лагере для военнопленных на территории Франции, вел себя как подобает настоящему советскому патриоту, достойно и стойко, ни пытки, ни щедрые обещания не сломили его воли.

Куликов Константин Ефимович (18 мая 1896) Русский. Генерал-майор (1940). Родился в селе Витомово, Тверской губернии в крестьянской семье. После окончания четырехклассной сельской школы работал в хозяйстве отца. В 1914 году призван в русскую армию. Участник Первой мировой войны, унтер-офицер.

В апреле 1918 года вступил в Красную Армию. До 1920 года участвовал в Гражданской войне в должностях командира взвода, роты, батальона. В 1920—1922 годах служил в должности помощника командира полка. Окончил пехотную школу, до 1927 года служил помощником командира полка по хозяйственной части. В 1928 году окончил Высшие командные курсы «Выстрел», до 1930 года был помощником командира дивизии. С 1931 года по 1937 год командовал стрелковым полком. 17 февраля 1936 ему было присвоено звание полковника. В 1938 году назначен на должность командира 39-й стрелковой дивизии. 17 февраля 1938 ему было присвоено звание комбрига. Участник боевых действий на озере Хасан. Через некоторое время был арестован, а через год реабилитирован и восстановлен в армии. В 1939 году назначен на должность начальника курсов усовершенствования комсостава в Днепропетровске. 5 июня 1940 ему было присвоено звание генерал-майора. В марте 1941 года назначен командиром 196-й стрелковой дивизии Одесского военного округа.

Несмотря на долгое отсутствие комдива и приказов из штаба корпуса, майор В. М. Шатилов, посоветовавшись со старшим батальонным комиссаром Чечельницким (Чечельницкий Дмитрий Степанович

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.